

# РАЗВОД

(НЕ) ЧУЖОЙ НАСЛЕДНИК



АЛИСА ГРОМОВА

Алиса Громова

**Развод. (Не) чужой наследник**

«Автор»

2026

## Громова А.

Развод. (Не) чужой наследник / А. Громова — «Автор», 2026

— ТЫ УВОЛЕНА С ДОЛЖНОСТИ ЖЕНЫ, — УСМЕХНУЛСЯ  
МУЖ, ПОДПИСЫВАЯ ДОКУМЕНТЫ О РАЗВОДЕ. — ВСЕ СЧЕТА  
ЗАБЛОКИРОВАНЫ. УБИРАЙСЯ. Я создала его империю, а он вышвырнул  
меня на улицу, как ненужную вещь. Беременную. Без денег. В никуда. Он  
думал, что сломал меня. Ошибка. Спустя четыре года я вернулась. Теперь я  
правая рука "Зверя" — Тимура Багирова. Человека, которого мой бывший  
боится до дрожи. Тимур нанял меня, чтобы уничтожить конкурента. Он  
предложил мне фиктивный брак и защиту. Но у нашего контракта есть "слепая  
зона". Мой новый фиктивный муж не знает, что мой сын — это наследник его  
врага. И когда правда вскроется, война за бизнес превратится в войну за нас.  
— Чей это ребенок, Ева? — его пальцы сжимают мое горло. В глазах — тьма.  
— Не лги мне. В тексте:♥# Жесткий, властный герой♥# Героиня, которая  
сделала себя сама♥# Интриги, страсть и возмездие

© Громова А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

Глава 1. Две полоски на стекле	5
Глава 2. Контракт с дьяволом	16
Глава 3. Поминки по живой	26
Глава 4. Кровь на белом	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

# Алиса Громова

## Развод. (Не) чужой наследник

### Глава 1. Две полоски на стекле

Дождь лупил по лобовому стеклу «Ауди» с такой яростью, будто пытался смыть с лица земли этот город вместе с пробками, серостью и моим глупым, совершенно неуместным счастьем. Дворники метались перед глазами, как сумасшедшие маятники, но даже они не могли стереть улыбку с моего лица. Я поймала свое отражение в зеркале заднего вида – чуть поплывшая тушь, мокрые прядь рыжих волос, прилипшая к щеке, и глаза... Господи, я не видела у себя таких глаз уже лет пять. Они сияли.

Я погладила живот. Рефлекторно. Там еще ничего не было – ни выпуклости, ни толчков, только крошечная точка на зернистом снимке УЗИ, который теперь жег мне сумочку сквозь кожу. И пластиковый тест с двумя уверенными, яркими, бордовыми полосками.

– Четыре недели, Ева Александровна, – голос врача до сих пор звучал в ушах, перекрывая шум ливня и гудки клаксонов. – Плод закрепился идеально. Поздравляю. Вы станете мамой. Мамой.

Я пробовала это слово на вкус, перекатывала на языке, как дорогую конфету. Десять лет. Десять лет мы с Денисом строили эту империю, откладывая жизнь «на потом». Сначала – «давай выйдем на первый офис». Потом – «надо выйти на федеральный уровень». Затем – «Ева, ну какой декрет, у нас аудит, налоговая лютует, без тебя я сяду».

Я была удобной. Я была его броней, его мозгом, его главным финансовым стратегом. Я знала каждую цифру в его отчетах, каждый серый счет, каждую лазейку в законе. Я сделала его богатым. И вот теперь, когда на счетах лежали суммы с шестью нулями, а дом в элитном поселке был достроен, я наконец-то могла позволить себе быть просто женщиной.

На пассажирском сиденье стояла белая коробочка, перевязанная серебряной лентой. Внутри – крошечные пинетки, тест и снимок. Я представляла, как войду к нему в кабинет. Как Денис оторвется от монитора, нахмурится – он не любил сюрпризов в рабочее время, – а потом откроет коробочку. Представляла, как разглядится его лоб, как исчезнет эта вечная складка напряжения между бровей. Как он подхватит меня на руки и закружит, забыв про статус, про костюм от «Бриони», про все на свете.

Он ведь хотел сына. Всегда говорил: «Мне нужен наследник, Ева. Кому я все это оставлю?»

Машина плавно затормозила у шлагбаума бизнес-центра «Титан». Стекло поползло вниз, выпуская в салон запах мокрого асфальта и выхлопных газов.

– Добрый вечер, Ева Александровна! – охранник, пожилой Сергей Ильич, расплылся в улыбке, увидев меня. – А Денис Викторович еще у себя. Свет горит на двадцать пятом.

– Спасибо, Сергей Ильич. Я ненадолго. Сюрприз.

Я подмигнула ему – неслыханная дерзость для «железной леди», как меня звали за глаза сотрудники. Но сегодня мне было плевать. Сегодня я была не финансовым директором. Я была женой.

Парковка была почти пустой. Только черный «Гелендваген» Дениса занимал свое почетное место у лифта, да пара машин трудоголиков из IT-отдела жались по углам. Я схватила коробочку, накинула капюшон бежевого пальто и побежала к лифтовому холлу, перепрыгивая через лужи. Каблуки гулко цокали по бетону, отбивая ритм моего сердца. Тук-тук-тук. Счастье-счастье-счастье.

Лифт мягко понес меня вверх. Зеркальные стены, тихая музыка, запах дорогого кондиционера с нотками лимона. Я придирчиво осмотрела себя. Очки в тонкой золотой оправе сползли на кончик носа – поправила. Пояс пальто затянут слишком туго – ослабила. Надо привыкать. Скоро талии не будет. Эта мысль снова вызвала прилив дурацкого, пьянящего восторга.

Двадцать пятый этаж. VIP-зона.

Двери разъехались с тихим шелестом. Здесь царил тишина, какая бывает только в больших офисах после окончания рабочего дня. Гудение серверов, едва слышный гул вентиляции, мягкий свет дежурных ламп, отражающийся в глянцевом керамограните пола.

Секретарская стойка была пуста. Странно. Леночка, личный помощник Дениса, обычно сидела до последнего, пока шеф не уедет. На столешнице идеальный порядок: ежедневник закрыт, монитор погашен. Только чашка с недопитым кофе и губной помадой на краешке сиротливо стояла у клавиатуры.

Наверное, отпустил пораньше. Или отправил за кофе.

Я прошла мимо стойки, ступая по ковровину совершенно бесшумно. Мои туфли утопали в густом ворсе. Коробка в руках казалась невесомой, но пальцы сжимали ленту так, что побелели костяшки. Я волновалась. Как школьница перед первым свиданием.

Дверь в кабинет Дениса была массивной, из темного дуба, с матовыми стеклянными вставками по бокам. Сквозь них пробивался свет. Значит, он там. Работает. Как всегда.

Я уже протянула руку к тяжелой бронзовой ручке, собираясь распахнуть дверь и крикнуть «Сюрприз!», но замерла.

Звук.

Станный, низкий, гортанный звук пробился сквозь дубовое полотно. Я нахмурилась. Совещание? В девять вечера? С кем? Партнеры из Китая? Но тогда я бы знала, все графики проходили через меня.

Я сделала шаг ближе, почти прижавшись ухом к прохладной поверхности дерева.

– Да... вот так... Господи, Денис...

Женский голос. Высокий, срывающийся на визг. И сразу за ним – низкий рык моего мужа.

– Глубже бери. Умница.

Мир не рухнул. Не было никакого взрыва, звона разбитого стекла или грома. Просто воздух вдруг стал вязким, как кисель, и его стало невозможно вдохнуть. Сердце пропустило удар. Потом еще один. А потом забило где-то в горле, гулко, больно, ударяясь о кадык.

Это ошибка. Это фильм. Он смотрит порно? Нет, Денис не идиот, чтобы смотреть порно на полной громкости в офисе со стеклянными стенами.

Моя рука, державшая коробку с тестом, задрожала. Серебряная лента выскользнула из пальцев. Я медленно, словно во сне, нажала на ручку. Замок щелкнул. Дверь, идеально смазанная, подалась вперед без единого скрипа, открывая мне панораму моего личного ада.

Кабинет был огромным. Панорамные окна во всю стену открывали вид на ночной город, залитый дождем и огнями. Но я не видела города.

Я видела широкий, полированный стол из красного дерева. Тот самый стол, который мы заказывали в Италии три года назад. Я помнила его цену. Двадцать тысяч евро.

На этом столе, раскинув ноги и запрокинув голову, сидела Леночка. Ее юбка-карандаш была задрана до талии, белая блузка расстегнута, открывая кружевной бюстгальтер. А между ее ног, спиной ко мне, стоял мой муж.

Денис.

Я узнала его спину. Широкою, в идеальной сорочке, которая сейчас натянулась на плечах от напряжения. Его руки, сильные, ухоженные руки с часами «Patek Philippe», которые я подарила ему на годовщину, сжимали бедра секретарши, оставляя на бледной коже красные следы.

– Денис... еще... – простонала она, закатывая глаза.

Ее взгляд скользнул по потолку, по стенам... и уперся в дверной проем.

Леночка замерла.

Ее глаза расширились до размеров блюдца. В них плескался животный, первобытный ужас, смешанный с каким-то странным, пьяным дурманом. Она судорожно втянула воздух, ее грудь высоко вздымалась, обтянутая тонким кружевом.

Денис, не видя меня, почувствовал, как ее тело окаменело.

– Ты чего зажалась? – прорычал он, с силой толкаясь в нее в последний раз, и его голос, хриплый от похоти, хлестнул меня по лицу сильнее любой пощечины. – Расслабься, Лена. Я еще не закончил.

Мои пальцы разжались сами собой.

Белая коробка с серебряной лентой выскользнула из рук. Она падала, казалось, целую вечность, кувыркаясь в воздухе, как подбитая птица. Удар об пол прозвучал в гробовой тишине, как выстрел. Глухой, картонный стук. Крышка отлетела в сторону. Крошечные вязальные пинетки выкатились на дорогой итальянский ковролин. Следом, с сухим шорохом, выпал тест. Две бордовые полосы утавилились в потолок, словно немой укор.

Денис замер.

Медленно, очень медленно он отстранился от секретарши. Я видела, как напряглись мышцы на его спине под тонкой тканью рубашки. Он выпрямился, поправляя брюки, и только потом, с пугающим спокойствием, обернулся.

На его лице не было ни стыда, ни паники, ни раскаяния. Только легкое раздражение. Как будто я – досадная помеха, курьер, привезший пиццу не вовремя, или уборщица, зашедшая помыть полы в разгар совещания.

– Ева? – он смахнул несуществующую пылинку с рукава. – Ты не умеешь стучать?

Воздух выбило из моих легких окончательно. Я стояла, хватая ртом пустоту, как выброшенная на берег рыба. В нос ударил густой, терпкий запах секса – пота, мужского одеколona и сладковатых женских духов. Этот запах смешался с ароматом кожи дорогой мебели, создавая тошнотворный коктейль.

Леночка, наконец очнувшись, сползла со стола. Ее трясло. Она судорожно пыталась застегнуть блузку, путаясь в мелких пуговицах, натягивала юбку, пряча красные пятна на бедрах. Она не смела поднять на меня глаза.

– Д-денис Викторович... я... – пролепетала она, пятясь к двери.

– Пошла вон, – бросил Денис, даже не глядя на нее. Его взгляд, холодный и цепкий, был прикован ко мне. Или, скорее, к точке чуть ниже моего подбородка.

Секретарша шмыгнула мимо меня, обдав волной страха, и выскочила в коридор. Цокот ее каблучков затих вдали.

Мы остались одни.

Тишина была оглушительной. Она давила на виски, пульсировала в ушах. Я смотрела на мужа – человека, с которым делила постель, бизнес, мечты, жизнь – и не узнавала его. Словно с него сорвали маску. Исчез заботливый партнер, исчез «родной Деня». Остался чужой, расчетливый хищник с пустыми глазами.

– Ты... – мой голос был чужим, скрипучим, как ржавая петля. – Ты трахаешь ее... На столе...

– Не драматизируй, – Денис обошел стол и сел в свое кресло. Спокойно, по-хозяйски. Как ни в чем не бывало. Он откинулся на спинку, сцепив пальцы в замок. – Это просто сброс напряжения. У нас тяжелый квартал, Ева. Ты же знаешь.

– Сброс напряжения? – эхом повторила я.

Взгляд упал на пол. На пинетки. Одна лежала на боку, другая перевернулась подошвой вверх. Они выглядели такими жалкими, такими неуместными здесь, в этом царстве порока и лжи.

Денис проследил за моим взглядом. Его брови поползли вверх, когда он увидел тест.

– А это еще что за цирк? – он кивнул на разбросанные вещи. – Ты решила поиграть в счастливую семейку? Сейчас? Серьезно?

Внутри меня что-то оборвалось. словно лопнула туго натянутая струна, державшая мой позвоночник. Боль, острая, жгучая, пронзила грудь, но слез не было. Слезы выкипели, испарились, оставив после себя сухую, злую пустоту.

Я шагнула вперед. Ноги были ватными, но я заставила себя идти.

– Я беременна, Денис, – сказала я тихо, глядя ему прямо в глаза. – Четыре недели. Это твой ребенок. Твой «наследник», о котором ты так мечтал.

Я ждала. Сама не знаю чего. Что он побледнеет? Что бросится ко мне? Что скажет, что это ошибка, затмение, что он любит только нас?

Денис поморщился. словно от зубной боли.

– Залетела? – он хмыкнул, доставая из ящика стола пачку сигарет. Щелкнула дорогая зажигалка. Дым поплыл к потолку. – Невовремя, Ева. Очень невовремя.

– Невовремя?! – крик вырвался из меня сам собой. – Ты изменил мне! Ты предал нас! А теперь говоришь «невовремя»?!

Он выпустил струю дыма мне в лицо.

– Предал? – он усмехнулся, и эта улыбка была страшнее любого звериного оскала. – Ева, посмотри на себя. Ты же сухарь. Ты бухгалтер в юбке. Когда мы последний раз спали, а? Месяц назад? И то, потому что ты высчитала день овуляции в своем экселе. С тобой скучно. Ты стала функцией. А Лена... Лена живая. Она дает мне то, что нужно мужчине.

Каждое слово было ударом ножа. Точно под ребра. Проворачивая лезвие.

– Я строила этот бизнес вместе с тобой, – прошептала я, чувствуя, как дрожат губы. – Я ночами не спала над отчетами. Я вытаскивала тебя из долгов. Я отдала тебе десять лет своей жизни!

– И я тебе благодарен, – кивнул он, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу. – Ты отличный работник, Ева. Была.

Он открыл папку, лежавшую на краю стола, достал оттуда тонкую стопку бумаг и небрежно швырнул их по гладкой поверхности в мою сторону. Листы скользнули и остановились у самого края, прямо над валяющимся на полу тестом на беременность.

– Подпиши.

Я опустила глаза. Крупные буквы заголовка расплывались, но суть я уловила мгновенно.

«СОГЛАШЕНИЕ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА. ОТКАЗ ОТ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕТЕНЗИЙ».

– Ты подготовился, – прошептала я, поднимая на него взгляд. Меня начало трясти. От холода, который исходил от этого человека.

– Я бизнесмен, Ева. Я просчитываю риски, – Денис затушил сигарету, с силой вдавив окурок в стекло. – Наши счета, недвижимость, акции – все оформлено на оффшоры, к которым у тебя нет доступа. Твой брачный контракт – филькина грамота, мои юристы нашли в нем дыру размером с Большой каньон еще год назад.

Он встал. оперся кулаками о стол и навис надо мной, подавляя, уничтожая.

– У тебя ничего нет. Квартира, машина, счета – все принадлежит фирме. А фирма – это я. Так что подписывай по-хорошему. Получишь отступные – хватит на первое время и на... – он брезгливо кивнул в сторону моего живота, – решение твоей маленькой проблемы.

– Решение проблемы? – переспросила я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. – Ты говоришь об аборте?

– Я говорю о том, что мне не нужны прицепы, Ева. И скандалы мне не нужны. Убирай проблему, подписывай бумаги и вали. Ты уволена. И с должности финдиректора, и с должности жены.

В этот момент за окном сверкнула молния, озарив его лицо мертвенно-бледным светом. Грохнул гром, от которого задрожали стекла.

Я смотрела на него и понимала: передо мной не муж. Передо мной враг. Враг, который ударил в спину в самый уязвимый момент. Он думал, что я сломаюсь. Что я сейчас упаду на колени, буду рыдать и умолять.

Но вместо слез внутри меня поднималась холодная, темная волна. Ярость.

Я медленно наклонилась. Не чтобы подписать бумаги. Я подняла с пола пинетки. Стряхнула с них невидимую пыль. Положила в карман пальто.

– Я ничего не подпишу, – сказала я твердо, хотя голос предательски дрогнул. – Я заберу то, что принадлежит мне по закону.

Денис рассмеялся. Громко, искренне.

– По закону? Ева, ты забыла, кто платит судьям в этом городе? Убирайся. Охрана выведет тебя через пять минут. Карты я уже заблокировал.

– Ты пожалеешь, Денис, – произнесла я, разворачиваясь. – Ты очень сильно пожалеешь.

– Вряд ли, – донеслось мне в спину. – Дверь закрой с той стороны. Сквозит.

Я вышла в коридор, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Мир вокруг качался. Двадцать пять этажей вниз. В дождь. В ночь. Беременная. Нищая. Одинокая.

Но он ошибся в одном. Он думал, что я «просто бухгалтер». Он забыл, что я знаю, где в его империи зарыты все трупы.

Лифт ехал вниз слишком быстро. Желудок подпрыгнул к горлу, и меня едва не вырвало прямо на зеркальные панели. Я вцепилась в поручень, холодный металл обжег влажную ладонь. В отражении на меня смотрело привидение: пальто распахнуто, волосы, еще десять минут назад лежавшие в идеальной укладке, теперь торчали влажными сосульками, а тушь размазалась под правым глазом черной кляксой, похожей на синяк.

Двадцать пять этажей. Двадцать пять этажей падения в бездну.

Цифры на табло сменялись с издевательской плавностью. 20... 15... 10...

Мозг, мой хваленый аналитический мозг, который Денис так ценил и который только что вышвырнул за ненадобностью, пытался перезагрузиться. Он искал решение, как искал бы выход из налоговой проверки.

*«Вводные данные: Муж – предатель. Активы – ноль. Жилье – служебное, оформлено на фирму. Счета – заблокированы. Беременность – угроза прерывания».*

Я сунула руку в карман. Пальцы наткнулись на мягкую шерсть пинеток. Этот комочек тепла был единственным, что у меня осталось. И еще телефон. «Айфон», последняя модель, подарок фирмы. Интересно, когда он его отключит? Через час? Или прямо сейчас, чтобы добить?

Лифт звякнул, оповещая о прибытии на первый этаж. Двери разъехались.

Вестибюль бизнес-центра «Титан» встретил меня гулким эхом и стерильной чистотой. Здесь пахло кофе из автомата и полиролью для пола. За огромной мраморной стойкой охраны сидел все тот же Сергей Ильич. Час назад он улыбался мне, как родной внучке. Сейчас он даже не поднял головы.

Я прошла мимо турникетов. Ноги ступали тяжело, словно к лодыжкам привязали гири.

– Ева Александровна, – голос охранника прозвучал сухо, казенно. Не «Евочка», как обычно.

Я замерла. Обернулась. Сергей Ильич смотрел в монитор, избегая встречаться со мной взглядом. Его пальцы нервно перебирали пропуск на шнурке.

– Да?

– Денис Викторович звонил на пост, – он наконец поднял на меня глаза. В них читалась виноватая жалость пополам со страхом за свое место. – Распорядился аннулировать ваш пропуск. И... ключи от корпоративного автомобиля нужно сдать.

Я усмехнулась. Горько, зло. Денис работал быстро. Эффективно. Как палач, который не хочет оставлять жертве даже шанса отползти в кусты.

– Машина записана на баланс холдинга, Ева Александровна, – пробубнил охранник, протягивая руку ладонью вверх. – Вы же понимаете. Инструкция.

Я достала брелок от «Ауди». Гладкий, теплый пластик. Моя машина. Я выбирала цвет, я заказывала этот бежевый салон, я возила ее на ТО. Но по документам – да. Это собственность ООО «Вектор». Собственность Дениса.

– Конечно, Сергей Ильич. Инструкция – это святое.

Я разжала пальцы. Ключ упал в его широкую ладонь. Охранник с облегчением выдохнул и спрятал брелок в ящик.

– Всего доброго, – бросила я и толкнула тяжелую стеклянную дверь, выходя в ночь.

Удар стихии был физическим. Ветер швырнул мне в лицо горсть ледяной воды, мгновенно пропитав пальто насквозь. Дождь здесь, внизу, казался еще более злым, чем из окна двадцать пятого этажа. Он барабанил по асфальту, превращая парковку в черное, рябящее озеро.

Я стояла под козырьком, глядя на свою «Ауди». Она стояла всего в десяти метрах. Блестящая, надежная, сухая внутри. Моя крепость, в которую меня теперь не пустят.

*«Иди. Просто иди».*

Я шагнула под ливень. Ледяные струи тут же потекли за шиворот, заставляя поежиться. Туфли на тонкой подошве мгновенно промокли. Каждый шаг отдавался хлюпаньем.

Я достала телефон. Экран светился в темноте спасительным маяком. Так. Такси. Нужно вызвать такси.

Я открыла приложение. Пальцы скользили по мокрому стеклу, сенсор тупил, не реагируя на касания. Наконец, карта загрузилась. «Эконом» – 450 рублей. «Комфорт» – 700.

Я выбрала «Эконом». Нажала «Заказать».

Колесо загрузки крутилось секунду, вторую... А потом выскочило красное уведомление: *«Оплата отклонена. Недостаточно средств или карта заблокирована банком. Пожалуйста, выберите другой способ оплаты».*

Я тупо смотрела на экран. Apple Pay был привязан к основной карте. К той самой, на которую капала моя зарплата и бонусы. Карте, которая была выпущена как дополнительная к счету Дениса.

– Тварь, – прошептала я, стирая с экрана капли дождя. – Какая же ты тварь, Денис.

Попробовать другую карту? Кредитку? «Отклонено». Сберегательный счет? «Отклонено».

Он обрубил все. Он не просто уволил меня. Он обесточил мою жизнь. В кошельке лежала пара сотенных купюр – я почти не пользовалась наличными. Этого не хватит даже, чтобы доехать до окраины, где жила моя мать.

Мать.

Мысль о ней обожгла. Я не звонила ей три месяца. С тех пор, как она в очередной раз сказала, что Денис – «золотой мужик», а я слишком много о себе возомнила. «Держись за него, Евка, кому ты нужна со своим характером?». Если я приду к ней сейчас – мокрая, беременная, брошенная, – я услышу только одно: «Я же говорила». Или еще хуже: «Иди мирись, ползай в ногах, но верни мужа».

Нет. Только не это.

Резкая боль внизу живота скрутила меня пополам. Я охнула, хватаясь за холодный мокрый столб фонаря. Это была не просто тянущая боль. Это был спазм. Острый, как удар спицей.

*«Ребенок».*

Страх, липкий и холодный, накрыл меня с головой, заглушив даже шум дождя. – Нет-нет-нет, пожалуйста, – шептала я, сгибаясь. – Только не сейчас. Маленький, держись. Пожалуйста, держись.

Я прижалась лбом к мокрому металлу столба. Дыши, Ева. Вдох-выдох. Как учили на йоге, которую ты бросила ради квартального отчета. Вдох. Выдох.

Мимо пронеслись машины, обдавая меня веером грязных брызг. Свет фар резал глаза. Люди в теплых салонах ехали домой, к ужину, к семьям. А я стояла посреди лужи, в пальто за сто тысяч, которое теперь годилось только на тряпки, и чувствовала, как жизнь вытекает из меня по капле.

Мне нужно было сесть. Мне нужно было тепло.

Я огляделась. Через дорогу, мигая неоновой вывеской «24 часа», светилась аптека. Там сухо. Там есть скамейка.

Я дождалась, пока поток машин поредеет, и перебежала дорогу, не обращая внимания на гудки и визг тормозов какого-то лихача. Влетела в стеклянные двери, едва не поскользнувшись на кафеле.

Тишина. Запах лекарств и хлорки. Тепло.

Аптекарьша, молодая девушка в очках, подняла на меня глаза от кроссворда. Ее взгляд скользнул по моим мокрым волосам, по стекающей с пальто воде, которая тут же образовала грязную лужу на полу.

– Девушка, вам плохо? – спросила она настороженно. В ее голосе не было сочувствия, только профессиональная оценка: не наркоманка ли?

– Можно... воды? – прохрипела я. Горло саднило, будто я наглоталась битого стекла. – И но-шпу. Самую дешевую.

Я выгребла из кармана смятые купюры. Двести пятьдесят рублей. Девушка положила на прилавок пачку таблеток и бутылку воды без газа.

– С вас сто восемьдесят.

Я расплатилась дрожащими руками. Тут же, не отходя от кассы, открыла бутылку, вытряхнула две таблетки и проглотила их, едва не подавившись.

– Можно я посижу? – спросила я, кивнув на пластиковый стул у входа. – Пять минут.

Аптекарьша поджала губы, но кивнула. – Только недолго. У нас не зал ожидания.

Я опустилась на жесткий пластик. Ноги гудели. Живот все еще тянуло, но острая боль отступила, превратившись в тупую, ноющую тяжесть. Я закрыла глаза.

Что делать? Идти некуда. Квартира – корпоративная, ключи, скорее всего, уже не подходят к замку. Денис педант. Он сменил коды доступа, пока я ехала в лифте. Гостиницы требуют карту и предоплату. Друзья?

Я перебрала в уме список контактов. Света? Жена партнера Дениса. Отпадает. Марина? Главбух. Она боится Дениса до икоты. Кристина? Мы вместе ходили в фитнес. Но она всегда завидовала моему «идеальному браку». Сейчас она будет просто смаковать подробности моего краха.

У меня никого не было. За десять лет я так растворилась в Денисе, в его бизнесе, в его интересах, что выжгла вокруг себя пустыню. Все мои друзья стали «нашими», а потом – «его». Я сама отсекала всех «лишних», кто не был полезен фирме.

Я сидела на пластиковом стуле в аптеке, сжимая в руке бутылку воды, и осознала масштаб своей катастрофы. Я была нулем. Пустым местом. Женщиной без прошлого и без будущего.

Телефон в руке вибрировал. Сердце подпрыгнуло. Денис? Одумался? Хочет вернуть?

Я посмотрела на экран. Сообщение от банка. *«Уважаемый клиент! По вашему кредитному договору №... возникла просрочка. Просьба погасить задолженность во избежание передачи дела в судебный отдел».*

Кредит? Какой кредит? У меня не было кредитов. Я открыла приложение. Доступ к счетам был заблокирован, но пуш-уведомления пробивались.

Еще одно сообщение. *«Списание: 150 000 RUB. ООО "Luxury Travel". Недостаточно средств».*

Я смотрела на эти цифры и начинала понимать. Денис не просто выгнал меня. Он повесил на меня свои долги. Я, как генеральный директор двух его «помоек» – фирм-однодневок, через которые он гонял наличку, – несла субсидиарную ответственность. Я подписывала эти бумаги не глядя. «Ева, ну это формальность, ты же знаешь».

Формальность.

Теперь эта «формальность» превращала меня не просто в нищую. А в должника с миллионными обязательствами. Он решил меня уничтожить. Стереть в порошок. Чтобы я никогда не смогла поднять голову.

Злость, горячая и темная, снова шевельнулась в груди, вытесняя страх. Нет. Я не сохну под забором. Не дождешься, Денис.

Дверь аптеки распахнулась, впуская шум дождя и холодный ветер. Вошел мужчина. Высокий, в насквозь промокшей черной кожаной куртке. Капюшон худи скрывал лицо, видны были только жесткий подбородок, покрытый щетиной, и сжатые губы. Он не был похож на покупателя аспирина. От него пахло не болезнью, а опасностью. Железом, табаком и чем-то резким, тревожным.

Аптекарьша напряглась, рука ее потянулась к тревожной кнопке.

Мужчина прошел мимо прилавка, даже не взглянув на витрины. Он остановился прямо напротив меня. Вода стекала с его куртки на пол, смешиваясь с моими лужами. Он медленно снял капюшон.

На меня смотрели глаза цвета стальной стали. Холодные, оценивающие, абсолютно лишённые эмоций. Шрам, пересекающий левую бровь, дернулся, когда он заговорил.

– Ева Ковалева? – голос был хриплым, низким, как рокот мотора на холостых. Не вопрос. Утверждение.

Я вжалась в спинку стула, инстинктивно прикрывая живот рукой. – Кто вы?

– Это неважно, – он шагнул ближе, нависая надо мной темной скалой. – Важно то, что вы сейчас пойдете со мной.

– Я... я закричу, – пискнула я, оглядываясь на аптекаршу. Та застыла сусликом, боясь пошевелиться.

– Не закричишь, – усмехнулся незнакомец. Улыбка не коснулась его глаз. – Если хочешь сохранить то, что у тебя в животе. И если хочешь, чтобы твой муж не узнал, где ты.

Он протянул мне руку. Широкою ладонь с сбитыми костяшками. – Вставай, Ева. У тебя нет выбора. Твоя карета превратилась в тыкву, а принц оказался крысой. Я предлагаю альтернативу.

Его ладонь висела в воздухе передо мной – широкая, смуглая, с длинными пальцами, на которых не было ни колец, ни печаток. Только шрамы на костяшках, белесые и старые, словно память о давней драке, где он не жалел ни чужих зубов, ни собственных рук.

– Альтернативу? – переспросила я. Голос предательски дрогнул, сорвавшись на шепот.

За спиной незнакомца аптекарша уже сняла трубку телефона, нервно накручивая провод на палец. Ее взгляд метался между нами, как у перепуганной мыши. Она вызывала полицию. Или охрану.

– У тебя десять секунд, Ева, – произнес он спокойно, не повышая голоса, но от этого тона у меня по спине, прямо по мокрому позвоночнику, пробежал электрический разряд. – Через минуту здесь будут ГБР. Они оформят тебя как бродяжку или дебоширку. Денис узнает об этом через пять минут. Еще через десять тебя отвезут в отделение, где ты проведешь ночь в «обезьяннике» на бетонном полу.

Он сделал паузу, и его серые глаза скользнули по моему животу. – Как думаешь, твой «наследник» переживет эту ночь?

Удар под дых. Точный, выверенный. Он бил в самое больное место. Я посмотрела на аптекаршу. Та уже что-то быстро шептала в трубку, кивая головой.

Выбора не было. Между неизвестностью с этим опасным мужчиной и гарантированным унижением от мужа я должна была выбрать первое.

Я не подала ему руки. Гордость – это все, что у меня осталось, и я вцепилась в нее, как утопающий в обломок мачты. Я тяжело поднялась, опираясь на спинку пластикового стула. Колени подогнулись, но я заставила себя выпрямиться.

– Я могу идти сама, – бросила я, стараясь, чтобы это звучало твердо.

Уголок его рта дернулся в усмешке. Не доброй, не злой. Оценивающей. – Идем.

Он развернулся и толкнул стеклянную дверь плечом, даже не придерживая ее для меня. Я шагнула следом, из стерильного тепла аптеки обратно в холодный ад ночного города.

Дождь превратился в ледяную крупу. Ветер рвал полы моего промокшего пальто, пытаясь сбить с ног. Но я не успела сделать и двух шагов.

Прямо у бордюра, заслоняя собой свет фонарей, стоял черный монстр. Огромный внедорожник, похожий на броневик. Никаких опознавательных знаков, тонировка «в ноль», хищная решетка радиатора, которая, казалось, скалилась металлическими зубами. Это был не «Гелендваген» Дениса. Это было что-то другое. Более тяжелое, более дорогое и бесконечно более страшное.

Незнакомец открыл заднюю дверь. – Внутри.

Я замешкалась на секунду. Садиться в машину к человеку, имени которого я даже не знаю? Это противоречило всем инстинктам самосохранения. – Куда мы поедем?

– Туда, где сухо, – отрезал он. – Садись, Ева. Я не такси, счетчик не тикает. Тикает твое время.

Острая вспышка боли внизу живота стала решающим аргументом. Я забралась на высокое кожаное сиденье, чувствуя себя мокрой, грязной дворнягой, которую пустили в королевские покои. Дверь захлопнулась с глухим, тяжелым звуком, отрезая шум улицы. Вакуум. Абсолютная тишина.

В салоне пахло кожей, дорогим табаком и сандалом. Климат-контроль мягко обдувал теплым воздухом. Я прижалась к спинке сиденья, стараясь не касаться обивки мокрым пальто, и меня начала бить крупная дрожь. Зубы выбивали чечетку.

Водительская дверь открылась, и салон слегка качнуло под весом незнакомца. Он сел за руль, не оборачиваясь. Двигатель ожил – не зарычал, а низко, утробно заурчал, как огромный спящий зверь.

Мы плавно тронулись с места, вливаясь в поток машин.

– Вы работаете на Дениса? – спросила я, глядя в его затылок. Короткая стрижка, мощная шея, напряженные плечи под мокрой кожей куртки. – Он прислал вас, чтобы... что? Запугать меня еще больше?

Мужчина посмотрел на меня через зеркало заднего вида. В полумраке салона его глаза казались почти черными. – Если бы я работал на Дениса, ты бы уже лежала в багажнике. Или на дне реки. Твой муж – истеричка, Ева. Он любит театральные эффекты. Я предпочитаю эффективность.

– Тогда кто вы? – я обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. – Откуда вы знаете про долги? Про беременность?

Он молчал, ловко перестраиваясь из ряда в ряд. Машина скользила сквозь дождь, как акула в темной воде. Мы проехали центр и свернули на набережную, удаляясь от моего офиса, от моей прошлой жизни.

– Я знаю о тебе все, Ева Ковалева, – наконец произнес он. Его голос звучал ровно, монотонно, как зачитывание приговора. – Девичья фамилия – Волкова. Родилась в Сызрани. Золо-

тая медаль, красный диплом Финансовой академии. Десять лет брака. Три ЭКО – все неудачные. Четвертая беременность – естественная, чудо, в которое врачи не верили.

Я замерла. Откуда? Про ЭКО знали только мы с Денисом. Даже мама не знала.

– Ты вела «черную» кассу холдинга «Вектор» с 2018 года, – продолжал он, и каждый факт падал тяжелым камнем. – Ты придумала схему с фирмами-прокладками «Орион» и «Сигма», через которые Денис выводил деньги на Кайманы. Ты же, как генеральный директор этих фирм, подписала поручительства по кредитам в «АгроБизнесБанке». Общая сумма долга на текущий момент – сто пятьдесят миллионов рублей. Плюс пени.

Сто пятьдесят миллионов. Цифра ударила меня по вискам. Я знала про кредиты, но Денис говорил о двадцати, максимум тридцати миллионах на оборотку. – Это неправда... – прошептала я. – Там не может быть столько.

– Может, – равнодушно отозвался он. – Денис брал кредиты под залог активов, которые уже были выведены. Классическая пирамида. И когда она рухнет – а это случится через пару месяцев, – банк придет к тебе. А за банком придут другие люди. Те, кто давал деньги «вчерную». И они не будут разговаривать. Они заберут все. Сначала квартиру твоей матери. Потом твое здоровье.

Я закрыла глаза. Темнота перед веками кружилась красными пятнами. Мне казалось, я падаю в глубокий колодец, и дна не видно.

– Зачем вы мне это говорите? – спросила я тихо. – Вы хотите меня шантажировать? У меня ничего нет. Вы сами сказали.

Машина свернула в узкий переулок промзоны. Высокие заборы с колючей проволокой, остовы старых заводов, редкие тусклые фонари. Страх снова поднял голову, царапая горло ледяными когтями. Куда он меня везет? Убивать?

– Шантажировать труп бессмысленно, – он затормозил у глухих железных ворот. Стекло водителя опустилось, он приложил магнитную карту к считывателю. – А ты, Ева, сейчас именно труп. Финансовый, социальный и юридический. Ты мертва. Тебя не существует.

Ворота с лязгом поползли в сторону, открывая въезд на территорию, которая разительно отличалась от разрухи вокруг. Идеальный асфальт, камеры по периметру, прожекторы, выхватывающие из темноты фасад отреставрированного кирпичного здания в стиле лофт.

– Но мертвецы имеют одно преимущество, – он въехал во двор и заглушил мотор. Тишина снова накрыла нас. – Им нечего терять. И они могут быть очень полезны.

Он повернулся ко мне. Свет фонаря упал на его лицо, высвечивая шрам, пересекающий бровь. Теперь я видела его ясно. Это было лицо не бандита, но воина. Жесткое, словно высеченное из гранита, с печатью усталости и абсолютной, подавляющей уверенности.

– Я предлагаю сделку, Ева.

– Какую сделку? – я вжалась в дверь, чувствуя спиной холод стекла.

– Я покупаю твои долги. Все сто пятьдесят миллионов. Я обеспечиваю тебе безопасность. Лучшую клинику для сохранения беременности. Крышу над головой. Юридическую защиту от Дениса.

Звучало как сказка. Как бред сумасшедшего. Никто не делает таких подарков. – А что я должна сделать? – спросила я. – Спать с вами? Продать почку?

Он усмехнулся. В этой усмешке проскользнуло что-то хищное. – Твое тело меня не интересует. Пока. Меня интересует твой мозг. Ты знаешь схемы Дениса. Ты знаешь, где он прячет деньги. Ты знаешь его уязвимые места.

Он наклонился ближе, и я почувствовала запах его парфюма – горький шоколад и оружейная сталь. – Ты станешь моим оружием, Ева. Ты поможешь мне уничтожить Дениса. Разорить его. Размазать. Превратить в пыль.

– Зачем вам это? – выдохнула я.

– Это личное, – его глаза потемнели, превратившись в два бездонных колодца тьмы. – Десять лет назад твой муж украл у меня кое-что более ценное, чем деньги. Пришло время платить по счетам.

Он протянул руку и открыл бардачок. Достал оттуда папку. – Здесь контракт. Ты поступаешь в мое полное распоряжение. Ты живешь там, где я скажу. Делаешь то, что я скажу. И никаких вопросов. Взамен – жизнь твоего ребенка и месть мужу.

– А если я откажусь?

Он пожал плечами. – Я открою дверь. Ты выйдешь. И через час умрешь от кровотечения где-нибудь под мостом. Или завтра тебя найдут кредиторы Дениса. Решать тебе.

Я посмотрела на темное здание за окном. Это была не клиника. Это была крепость. Логово зверя. Я перевела взгляд на свой живот. Там, внутри, билась крошечная жизнь. Жизнь, которую Денис приговорил, а этот страшный человек предлагал спасти.

Я вспомнила лицо мужа. Его брезгливую гримасу. «Убирай проблему». Я вспомнила Леночку на моем столе. Я вспомнила маму, которая не пустит меня на порог.

Ярости больше не было. Был холодный расчет. Я медленно протянула руку и взяла папку.

– Как вас зовут? – спросила я, глядя ему в глаза.

Он улыбнулся. И от этой улыбки мне стало по-настоящему страшно.

– Тимур, – произнес он. – Для друзей – Багиров. Для врагов – Хан. Но ты, Ева, будешь звать меня Хозяин. Пока не отработаешь каждый вложенный в тебя рубль.

Щелкнул замок центрального блокиратора дверей. Ловушка захлопнулась.

## Глава 2. Контракт с дьяволом

Тяжелая металлическая дверь захлопнулась за моей спиной с звуком, напоминающим выстрел из крупнокалиберного оружия. Этот лязг, короткий и окончательный, отрезал меня от внешнего мира – от дождя, от города, от долгов и от прошлой жизни, в которой я была Евой Ковалевой, уважаемым финансовым директором и любимой женой.

Теперь я была никем. Активом. Строкой в контракте, который лежал в моей промокшей сумке.

Я стояла в прихожей, если так можно было назвать это пространство, больше похожее на ангар для частного самолета. Высокие потолки, уходящие в темноту, бетонные стены, на которых играли отсветы уличных прожекторов, пробивающиеся через узкие окна-бойницы. Здесь пахло не уютom, а стерильной чистотой, озоном и едва уловимым ароматом мужского парфюма – того самого, горького, древесного, который исходил от Тимура.

– Проходи, – бросил он, не оборачиваясь.

Тимур скинул мокрую кожаную куртку и небрежно швырнул ее на широкую банкетку из темной кожи. Под курткой оказалась черная футболка, плотно обтягивающая спину. Я невольно зацепилась взглядом за игру мышц под тканью. Денис, мой муж... бывший муж, тоже ходил в зал. Три раза в неделю, с персональным тренером, делая селфи в зеркале для инстаграма. Но спина Тимура была другой. Это была не "фитнес-эстетика", а функциональная, грубая мощь. Такая бывает у грузчиков в порту или у бойцов, которые не знают, что такое правила ринга.

На его правом предплечье, там, где заканчивался рукав футболки, чернела вязь татуировки. Сложный, агрессивный орнамент, уходящий вверх, к плечу. Я видела такие узоры в отчетах службы безопасности, когда мы проверяли контрагентов с криминальным прошлым. "Особые приметы".

Я сделала шаг и пошатнулась. Ноги, обутые в испорченные водой туфли, скользнули по наливному полу. Мокрое пальто, пропитавшееся ледяной влагой, казалось свинцовым панцирем, тянущим к земле. Меня била крупная дрожь – не столько от холода, сколько от отходняка после выброса адреналина.

– Где... где мы? – спросила я. Голос прозвучал жалко, отразившись эхом от бетонных стен.

– Мой дом, – коротко ответил Тимур. Он прошел вглубь помещения, щелкнул выключателем.

Зал залило мягким, теплым светом скрытых ламп. Я заморгала, привыкая к яркости. Это был лофт. Настоящий, промышленный лофт, занимающий, видимо, целый этаж старого заводского здания. Огромные панорамные окна во всю стену смотрели не на открыточный центр с его огнями, а на темную промзону и черную ленту реки. Вдалеке мигали красные огни телевышки.

Интерьер кричал о деньгах. О больших, очень больших деньгах, которые хозяин не считал нужным выставлять напоказ золотыми вензелями. Здесь царил brutальный минимализм: низкая итальянская мебель, огромный камин, отделанный натуральным камнем, и стеллажи, заставленные не книгами, а какими-то странными артефактами и макетами зданий.

Я, как аудитор, машинально начала оценивать обстановку. Привычка – вторая натура. Диван "Minotti" – полтора миллиона. Система "умный дом" – судя по панели на стене, топовая комплектация. Свет – дизайнерский. Этот "бункер" стоил дороже, чем весь наш с Денисом пафосный офис.

– Снимай, – голос Тимура вывел меня из транса.

Он стоял посреди зала и смотрел на меня. Тяжелым, немигающим взглядом из-под рассеченной брови. В этом свете шрам казался еще более глубоким, уродливым, но странным образом гармоничным на его лице. Как трещина на скале.

– Что? – я инстинктивно запахнула пальто плотнее, хотя оно было мокрым насквозь.

– Пальто. Обувь. Все мокрое, – он говорил так, словно отдавал команды на стройке. – Ты зальешь мне полы. И заболешь. Мне не нужен труп с пневмонией в гостиной.

– Я... мне не во что переодеться, – я вцепилась в лацканы пальто побелевшими пальцами. Под пальто была блузка, которая стала прозрачной от воды, и юбка, прилипшая к бедрам. Я чувствовала себя голой. Униженной.

Тимур закатил глаза. Это движение было таким человеческим, таким обыденным на фоне его пугающей внешности, что я на секунду опешила.

– Ева, включи голову. Ты же умная женщина. Я не собираюсь набрасываться на тебя прямо здесь. Если бы я хотел тебя трахнуть, я бы не стал везти тебя через полгорода и поить чаем.

Он развернулся и пошел к одной из дверей. – Иди сюда. Быстро.

Я подчинилась. Не потому что поверила ему, а потому что живот снова скрутило спазмом. Тупая, ноющая боль внизу, там, где билась крошечная жизнь, напомнила о главном. Я не имею права болеть. Я не имею права умирать. Я теперь инкубатор для "наследника", который нужен нам обоим, пусть и по разным причинам.

Комната, в которую он меня привел, оказалась гостевой спальней. Или, скорее, камерой класса люкс. Кровать king-size, застеленная серым бельем, шкаф-купе, дверь в отдельную ванную.

Тимур открыл шкаф, пошуршал там чем-то и бросил на кровать объемный серый худи и спортивные штаны.

– Это чистое. Мое, но тебе подойдет. В ванной есть полотенца, халаты, мыльно-рыльное. Даю тебе двадцать минут. Прими горячий душ. Согрейся. Потом выйдешь, поговорим о деталях.

Он уже собрался уходить, но я остановила его вопросом, который жег язык.

– Вы сказали... про врача. Про клинику.

Он замер в дверях. Обернулся. – Врач будет через час. Частный. Никаких записей в медкарту, никаких звонков в Минздрав. Он осмотрит тебя, сделает УЗИ, назначит поддержку.

– Откуда такая уверенность? – я все еще искала подвох. – Врачи обязаны сообщать о... подозрительных случаях.

Уголок его рта дернулся в той самой усмешке, от которой у меня холодело внутри. – Этот врач обязан мне жизнью. И еще он знает, что бывает с теми, кто слишком много болтает.

Тимур вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Щелчка замка я не услышала, но чувствовала его кожей. Я была заперта. Не ключом, а обстоятельствами.

Оставшись одна, я сползла по стене на пол. Ноги просто отказались держать тело. Я сидела на дорогом паркете, в луже воды, стекающей с моего пальто, и смотрела в одну точку.

Четыре часа назад я была счастливой женщиной, везущей мужу радостную весть. Сейчас я нахожусь в доме человека, которого Денис называл "Зверем" и "отморозком". Человека, который купил мои долги за 150 миллионов рублей.

Я медленно, дрожащими руками начала расстегивать пуговицы пальто. Мокрый кашемир был тяжелым, как грехи моего мужа. Блузка прилипла к коже, став второй ледяной шкуркой. Я стянула ее, морщась от боли в плечах. Зеркало на дверце шкафа отразило мое тело. Бледное, с синими прожилками вен, покрытое «гусиной кожей». Живота еще не было видно – он был плоским, впалым. Только едва заметная выпуклость над лобковой костью, которую могла нащупать только я.

– Прости меня, малыш, – прошептала я, касаясь холодной кожи. – Прости, что выбрала тебе такого отца. И такого... спасителя.

Я зашла в ванную. Здесь было жарко – подогреваемый пол работал на полную мощность. Черная плитка, хромированная сантехника, запах эвкалипта. Я включила душ. Горячая вода ударила по плечам, и я, наконец, заплакала. Беззвучно, зажимая рот ладонью, чтобы "Хозяин" за стеной не услышал. Слезы смешивались с водой, смывая тушь, дорожную грязь и остатки моей гордости.

Я стояла под струями воды, пока кожа не покраснела, а зубы не перестали стучать. Потом вытерлась огромным махровым полотенцем, пахнущим кондиционером и тем же древесным парфюмом. Одежда Тимура была мне велика размера на три. В худи я утонула, рукава пришлось закатывать до локтей. Штаны держались только благодаря шнурку на поясе. Ткань была мягкой, качественной, она хранила запах чужого тела – не пота, а именно мужского тепла. Это было странное, пугающее ощущение интимности. Я носила одежду врага моего мужа.

Я вышла из спальни босиком, ступая осторожно, как кошка на чужой территории. В гостиной горел только торшер у дивана. Тимур сидел в кресле, вытянув длинные ноги. В одной руке он держал стакан с янтарной жидкостью, в другой – телефон.

– ...да, полный аудит, – говорил он в трубку. Голос был жестким, деловым. – Подними все транзакции «Вектора» за последние полгода. Ищи переводы на Кипр и БВО. Да, я скинул тебе номера фирм-прокладок. Там директором числится Ковалева. Нет, ее не трогать. Она под моим протекторатом. Любой, кто косо посмотрит в ее сторону, будет иметь дело лично со мной. Ясно?

Он отключился и бросил телефон на столик. Поднял глаза на меня. В этом полумраке он казался еще огромнее. Хищник, отдыхающий в своей пещере после охоты.

– Согрелась? – спросил он. Не дежурно. Он действительно сканировал меня взглядом, отмечая, что дрожь прошла, а на щеках появился румянец.

– Да. Спасибо, – я осталась стоять у входа, не решаясь подойти ближе. – Тимур...

– Сядь, – он кивнул на диван напротив. – Врач едет. А пока у нас есть десять минут, чтобы обсудить правила твоего содержания.

Слово «содержание» резануло слух. Как будто я породистая лошадь или дорогая шлюха.

– Я не вещь, – сказала я, садясь на край дивана. – И я не буду вашей любовницей. Это мы прояснили в машине.

– Успокойся, – Тимур сделал глоток из стакана. – Я же сказал: твое тело меня интересует только как контейнер для ребенка. И как носитель информации. Но ты должна понимать ситуацию, Ева. Денис уже ищет тебя. Он знает, что ты не у мамы и не у подруг. Он проверит морги, больницы и вокзалы. Завтра утром он подаст заявление о пропаже человека.

– И что вы сделаете?

– Я сделаю так, что ты исчезнешь официально. Для всего мира Ева Ковалева уехала в санаторий. Или сбежала с любовником. Легенду мы проработаем. Но для этого ты должна отдать мне всё.

– Всё? – я напряглась.

– Твой телефон, – он протянул руку ладонью вверх. – Планшет, ноутбук – если есть. Любые средства связи. Ты не будешь звонить маме, подругам или бывшим коллегам. Один звонок – и Денис запеленгует тебя за три минуты. У него хороший начальник СБ, бывший фсбшник. Ты хочешь, чтобы он нашел тебя здесь?

Я представила Дениса здесь. С его связями, с его деньгами, с его злобой. – Нет.

Я достала из кармана худи свой айфон. Последняя нить, связывающая меня с прошлым. Там были фотографии. Видео с корпоративов. Переписки с мамой. Заметки о беременности, которые я начала вести сегодня утром.

– Пароль? – спросил Тимур, принимая гаджет.

– 080814.

– Дата свадьбы? – он усмехнулся, вводя цифры. Телефон разблокировался. – Как банально.

Он, не колеблясь ни секунды, зашел в настройки и нажал «Сброс контента и настроек». Потом вынул сим-карту и с хрустом переломил ее пополам своими сильными пальцами.

– Эй! – я дернулась. – Там были фото...

– Кого? Мудака, который выгнал тебя на улицу? – он бросил обломки пластика в пепельницу. – Забудь. Прошлой жизни больше нет. Ты начинаешь с чистого листа.

В этот момент в дверь позвонили. Громко, требовательно. Тимур встал. Его движения были пружинистыми, мгновенными. Он сунул руку за пояс джинсов, под футболку. Я увидела, как на секунду мелькнула рукоять пистолета.

– Сиди здесь, – бросил он мне. – И молчи.

Он подошел к монитору видеодомофона, глянул на экран и расслабился. Убрал руку от пояса. – Свои. Это Док.

Дверь открылась, впуская в лофт невысокого, щуплого мужчину с огромным медицинским чемоданом. Он выглядел уставшим, помятым, но его глаза за очками в роговой оправе были цепкими и внимательными.

– Хан, ты в своем уме? – с порога начал он, стряхивая капли дождя с плаща. – Два часа ночи. Я только с дежурства. Кого ты там пришил, что меня надо выдергивать?

– Не пришил, а спас, – Тимур кивнул в мою сторону. – Проходи, Марк. Пациентка в гостиной. Беременность, четыре недели, сильный стресс, переохлаждение, боли внизу живота. Мне нужно, чтобы она родила этого ребенка. Любой ценой.

Врач, которого звали Марк, посмотрел на меня. Потом на Тимура. Потом снова на меня. – Твоя? – коротко спросил он у Хана.

Тимур посмотрел на меня. Долго. Изучающе. – Теперь – да. Моя.

– Моя? – Марк переспросил с интонацией, в которой смешались недоверие и профессиональный цинизм. Он стянул мокрый плащ, оставшись в мятом хирургическом костюме цвета морской волны. – Ты что, Хан, решил обзавестись гаремом? Или это очередная заложница, которую надо подлатать, чтобы товарный вид не теряла?

– Закрой рот, Марк, – Тимур даже не повысил голос. Он просто посмотрел на врача своим фирменным взглядом – тем, от которого у меня внутри все сжималось в ледяной комок. – Делай свою работу.

Врач тут же стушевался. Видимо, он знал этот взгляд лучше меня. Он кивнул, торопливо прошел в центр комнаты и поставил свой чемодан на низкий кофейный столик из черного стекла.

– Ну-с, голубушка, – он повернулся ко мне, натягивая латексные перчатки. Щелчок резины прозвучал в тишине лофта неестественно громко. – Давай знакомиться. Я доктор Левин. Для друзей Марк. Но мы с тобой вряд ли подружимся, учитывая обстоятельства. Ложись.

– Куда? – я растерянно огляделась.

– Прямо сюда, – он указал на кожаный диван. – Условия полевые, но Хан у нас аскет, гинекологического кресла в гостиной не держит.

Я бросила быстрый взгляд на Тимура. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и наблюдал за происходящим с непроницаемым лицом. Он не собирался уходить.

– Вы... вы выйдете? – спросила я, обращаясь к нему. Щеки залило краской. Одно дело – обсуждать контракт, другое – раздвигать ноги перед врачом под прицелом глаз постороннего мужчины.

Тимур даже не пошевелился. – Нет.

– Но это... это медицинский осмотр! – возмутилась я, пытаюсь прикрыться полами его огромного худи. – Это интимно!

– Ева, – он произнес мое имя с усталой снисходительностью, как говорят с капризным ребенком. – Ты находишься в моем доме, в моей одежде, и внутри тебя – актив, в который я вложил сто пятьдесят миллионов. Я буду присутствовать при инвентаризации. Ложись. Или Марк осмотрит тебя силой. Ему не привыкать, он работал в тюремном лазарете.

Я посмотрела на доктора Левина. Тот виновато пожал плечами, мол, «прости, детка, начальство приказывает».

У меня не было выбора. Снова. Я легла на спину, уставившись в бетонный потолок. Сердце колотилось где-то в горле. Я чувствовала себя лабораторной крысой, которую препарируют живьем. Марк деловито достал из чемодана портативный аппарат УЗИ – небольшую коробочку с экраном, похожую на старый ноутбук. Подключил датчик.

– Задирай кофту, спускай штаны, – скомандовал он. – Только до бедер, стриптиз не нужен.

Дрожащими руками я стянула серые спортивные штаны Тимура чуть ниже линии бикини. Холодный воздух коснулся кожи. Я зажмурилась, чтобы не видеть ни Марка, ни темную фигуру у окна.

– Так, живот напряжен, – констатировал врач, касаясь моего низа живота пальцами. – Гипертонус матки. Классика жанра. Нервничала?

– Меня выгнали из дома и угрожали убийством, – прошипела я сквозь зубы. – Как думаете?

– Понятно. Стресс-фактор, – кивнул он, выдавливая на мой живот порцию прозрачного, ледяного геля. Я дернулась.

Тимур сделал шаг вперед. Я почувствовала его приближение не ушами, а кожей. Он подошел и встал у изголовья дивана, нависая надо мной.

– Смотри на экран, Хан, – бросил Марк, водя датчиком по моему животу. – Видишь? Вот плодное яйцо. Размер... ммм... соответствует четырем-пяти неделям. Сердцебиение...

На экране замелькали черно-белые помехи. А потом раздался звук. Тук-тук-тук. Быстрый, ритмичный стук. Как будто кто-то очень маленький бежал марафон внутри меня.

Я открыла глаза. Слезы снова навернулись, но теперь это были другие слезы. Он был жив. Мой малыш. Мой крошечный борец.

– Есть сердцебиение, – подтвердил Марк. – Но есть и отслойка. Небольшая, но опасная. Гематома. Видишь темное пятно рядом?

Тимур наклонился ниже. Я чувствовала запах его парфюма и тепла, исходящего от его тела. Он смотрел на монитор с напряженным вниманием, словно изучал стратегическую карту. – Это опасно? – его голос звучал глухо.

– Угроза прерывания, – жестко сказал Марк. – Пятьдесят на пятьдесят. Если она продолжит бегать под дождем и истерить – выкинет завтра же. Ей нужен полный покой. Постельный режим. И гормоны. Много гормонов.

Врач вытер гель с моего живота бумажной салфеткой и начал рыться в своей сумке, доставая ампулы и шприцы.

– Я вколю прогестерон и папаверин, чтобы снять спазм. Но дальше – таблетки по часам. Утрожестан, Магне Б6, фолиевая. И никаких нервов. Слышишь, Ева? – он посмотрел на меня поверх очков. – Твой кортизол сейчас убивает ребенка. Ты должна стать овощем. Ешь, спишь, ходишь в туалет. Всё.

– Я поняла, – прошептала я, натягивая штаны обратно. Унижение от осмотра отступило перед страхом за сына. – Я буду лежать.

– Будешь, – подтвердил Тимур. – Я прослежу.

Марк сделал мне укол в бедро – быстро, профессионально, почти не больно. Потом выписал на бланке без печатей длинный список лекарств.

– Хан, пришли кого-нибудь в круглосуточную аптеку. Это нужно начать принимать прямо сейчас.

Тимур взял листок, пробежал его глазами. – Я сам съезжу. Заодно проверю периметр.

– Ты? – Марк хмыкнул, укладывая прибор обратно. – Сам поедешь за витаминками для беременных? Мир сошел с ума. Великий и ужасный Хан работает курьером.

– Заткнись, Марк, – Тимур сунул листок в карман. – Ты останешься здесь, пока я не вернусь. Присмотришь за ней. Если ей станет хуже – звонишь мне.

– Я не нянька! – возмутился врач. – У меня смена завтра!

– У тебя смена здесь, – Тимур подошел к сейфу, скрытому за одной из панелей стены, набрал код. Достал оттуда толстую пачку наличных и кинул ее Марку. Тот поймал деньги на лету. – Это за беспокойство. И за молчание.

Марк взвесил пачку в руке, его лицо смягчилось. – Ладно. Посижу часок. Чай у тебя есть? Или только виски?

– На кухне разберешься.

Тимур направился к выходу, на ходу надевая куртку. У двери он обернулся и посмотрел на меня. Я все еще лежала на диване, свернувшись калачиком под пледом, который мне кинул врач.

– Спи, – приказал он. – Завтра мы начнем работать. Ты мне нужна с ясной головой.

Дверь хлопнула. Я осталась наедине с доктором Левиным, который тут же плюхнулся в кресло Тимура и закинул ноги на пуфик.

– Ну, рассказывай, Золушка, – он снял очки и потер переносицу. – Как ты умудрилась влипнуть в Хана? Ты хоть понимаешь, кто он такой?

Я молчала. Лекарство начинало действовать – тело наливалось приятной тяжестью, веки слипались.

– Молчишь? Правильно, – Марк вздохнул. – Тимур Багиров – это человек, у которого вместо души – калькулятор, а вместо сердца – кусок льда. Он бывший наемник, прошел Сирию и еще пару мест, которых нет на карте. Потом занялся бизнесом. Строительство, рейдерство, "решение проблем". Он не спасает людей, Ева. Он их использует. Или уничтожает.

– Он спас меня, – пробормотала я, чувствуя, как язык заплетается.

– Спас? – Марк тихо рассмеялся. – Он купил тебя. Это разные вещи. Он увидел в тебе ресурс. Ты знаешь что-то про своего бывшего мужа, так? Что-то, что нужно Хану.

– Да.

– Ну тогда мой тебе совет, девочка. Отдай ему это. Отдай все, что знаешь. И молись, чтобы, когда ты станешь бесполезной, он просто выставил тебя за дверь, а не закопал на заднем дворе. Потому что Хан не оставляет свидетелей. И он никогда, слышишь, никогда ничего не забывает.

– Что... что Денис украл у него? – спросила я, проваливаясь в сон. – Тимур сказал... десять лет назад...

Марк перестал улыбаться. Его лицо стало серьезным, даже испуганным. Он оглянулся на дверь, словно проверяя, не вернулся ли хозяин.

– Денис не украл, – прошептала он едва слышно. – Денис убил. Косвенно, чужими руками, но убил. Единственного человека, которого Хан любил. Его младшую сестру.

Мои глаза распахнулись. Сон как рукой сняло. – Сестру?

– Да. Амину. Ей было девятнадцать. Она работала стажером в первой фирме твоего мужа. Официальная версия – самоубийство. Прыгнула с крыши. Но Хан знает правду. Ее накачали наркотиками на корпоративе... и пустили по кругу. А потом «помогли» упасть. Денис замаял дело. Купил ментов, купил экспертизу.

Я закрыла рот рукой, сдерживая тошноту. Перед глазами всплыла Леночка на столе. Денис и его "сброс напряжения". Господи. Я жила с монстром. Десять лет я спала с убийцей и насильником.

– Хан тогда был в госпитале, после ранения, – продолжал Марк шепотом. – Когда он вышел и узнал... он поклялся. Он не просто хочет убить Дениса. Смерть – это слишком легко. Он хочет отобрать у него всё. Деньги, репутацию, власть. И семью.

Врач посмотрел на мой живот. – И теперь у него есть ты. Жена врага. И ребенок врага. Ты понимаешь теперь? Ты для него не женщина. Ты – инструмент высшей мести. Он будет растить этого ребенка, чтобы однажды ткнуть им в лицо Денису и сказать: «Смотри. Твой сын называет папой меня».

Холод пробрал меня до костей, несмотря на теплый плед. Я думала, что заключила сделку с дьяволом, чтобы спастись от мелкого беса. Но оказалось, что я попала в эпицентр войны, где нет правых и виноватых. Есть только палачи и жертвы.

– Спи, Ева, – Марк надел очки обратно. – Тебе нужны силы. В аду они быстро кончаются.

Я закрыла глаза, но темнота перед веками была полна кошмаров. Стук сердца моего сына на УЗИ смешивался со звуком шагов Тимура. Тук-тук-тук. Он идет. Он вернется. И я буду ждать его. Потому что теперь он – мой единственный щит от человека, который убивал девочек. Даже если этот щит сам сделан из лезвий.

Сон был вязким, липким, похожим на черную нефть. В нем не было сюжетов, только ощущения. Я бежала по бесконечному коридору офисного центра, а пол под ногами превращался в зыбучий песок. Стены сжимались, пульсируя красным светом, и отовсюду доносился смех Дениса. Громкий, раскатистый, перекрывающий шум крови в ушах.

«Убирай проблему, Ева. Убирай проблему».

Я проснулась от резкого звука. Хлопок входной двери прозвучал в тишине лофта как выстрел, разорвавший пелену кошмара.

Я резко села на кровати, и тут же пожалела об этом. Голова закружилась, к горлу подкатил ком тошноты – побочка от лекарств, которыми накачал меня Марк, или просто реакция истощенного организма. В комнате было темно, только узкая полоска света пробивалась из-под двери, разрезая полумрак гостевой спальни.

Голоса. Низкий, рокочущий бас Тимура и тенорок врача.

– ...все стабильно. Спит как убитая. Я вколол двойную дозу, чтобы не дергалась, – донесся голос Марка. – Ты купил все по списку?

– Да. И еще кое-что, – ответ Тимура прозвучал глухо, словно он стоял спиной. – Держи. Это твой гонорар сверху. За такси не беспокойся, моя машина внизу, водитель отвезет.

– Щедро, Хан. Очень щедро. Слушай, я все понимаю, месть – блюдо холодное, но... она беременная баба, а не спецназовец. Не пережми. Если у нее случится выкидыш, ты потеряешь свой главный козырь.

– Я знаю, что делаю, Марк. Вали отсюда.

Шаги. Шуршание одежды. Стук закрываемой двери. И тишина. Такая плотная, что, казалось, ее можно резать ножом.

Я натянула одеяло до самого подбородка, чувствуя, как сердце бьется о ребра, словно пойманная птица. Марк ушел. Мой единственный, пусть и циничный, но все же свидетель, покинул периметр. Я осталась одна. В запертом лофте. С человеком, который десять лет вынашивал план уничтожения моего мужа.

Дверная ручка медленно повернулась вниз.

Я зажмурилась, притворяясь спящей. Инстинкт жертвы – замри, сливайся с местностью, может быть, хищник пройдет мимо. Но хищник не прошел.

Полоска света расширилась, впуская в спальню запах улицы – озон, мокрый асфальт и холод. Тимур вошел бесшумно. Ни скрипа паркета, ни шарканья. Только ощущение тяжелого, давящего присутствия, от которого волоски на руках вставали дыбом.

Я чувствовала его взгляд. Он жег кожу даже сквозь одеяло. Тимур стоял у порога, не приближаясь, и просто смотрел. Секунду. Две. Минуту. Это ожидание было невыносимым. Мне хотелось вскочить, закричать, бросить в него подушкой – что угодно, лишь бы разрушить эту статику.

Но я лежала, стараясь дышать ровно, хотя легкие горели от нехватки воздуха.

– Хватит притворяться, Ева, – его голос прозвучал совсем рядом. Он подошел к кровати, пока я боролась с паникой. – Я вижу, как у тебя дрожат ресницы. И пульс на шее бьется так, что его видно с трех метров.

Играть дальше было бессмысленно. Я открыла глаза.

Тимур возвышался надо мной темной горой. Он так и не снял куртку, на черной коже блестели капли дождя. В руках он держал белый бумажный пакет с логотипом круглосуточной аптеки и пластиковый контейнер.

– Садись, – он поставил вещи на прикроватную тумбочку и щелкнул ночником.

Желтый свет резанул по глазам. Я зажмурилась, прикрываясь ладонью.

– Я... я спала, – прохрипела я. Голос был сухим и ломким.

– Я вижу. Марк постарался, – он достал из пакета блистер с таблетками, выдавил одну капсулу. Потом открыл бутылку воды, скрутив крышку одним легким движением. – Пей.

– Что это?

– Утрожестан. Гормон. Чтобы твой организм не отторг плод. Пей.

Я послушно взяла капсулу и воду. Его пальцы на секунду коснулись моих – горячие, сухие, жесткие. Контраст с моей ледяной кожей был таким резким, что я едва не выронила стакан. Проглотив лекарство, я посмотрела на него снизу вверх. Теперь, зная про Амину, я видела его иначе. Раньше он казался мне просто бандитом, решившим отжать бизнес. Теперь я видела шрамы не только на его лице, но и где-то глубже, во взгляде. В этой ледяной серости плескалась такая застарелая, сконцентрированная боль, что мне стало жутко. Он был не просто зол. Он был одержим.

– Марк сказал мне, – прошептала я, не в силах сдержать этот вопрос. – Про вашу сестру. Про Амину.

Лицо Тимура мгновенно окаменело. Челюсти сжались так, что заходили желваки. Шрам на брови побелел, став похожим на молнию. Он медленно наклонился ко мне, оперевшись руками в матрас по обе стороны от моих бедер. Я вжалась в подушку, чувствуя запах его кожаной куртки и табака. Он был слишком близко. Недопустимо близко.

– Марк слишком много болтает, – прорычал он тихо. – Ему стоило бы вырвать язык.

– Это правда? – я не отводила взгляда, хотя инстинкт самосохранения вопил: «Молчи!». – Денис... он правда это сделал?

Тимур смотрел мне в глаза, и мне показалось, что я заглядываю в дуло заряженного пистолета.

– Денис был там, – произнес он, чеканя каждое слово. – Он был одним из пяти. И он был тем, кто приказал охране выкинуть ее тело на задний двор, как мешок с мусором, чтобы не портить вечеринку. А потом он заплатил следаку, чтобы тот написал «суицид на почве депрессии». Моей сестре было девятнадцать лет, Ева. Она не пила, не курила и мечтала стать архитектором.

Я закрыла рот рукой, чувствуя, как к горлу снова подступает желчь. Картинка сложилась. Денис, мой успешный, лощеный муж, с его идеальными манерами и благотворительными вечерами... Я жила с чудовищем. Я спала с ним. Я хотела родить от него ребенка.

– Господи... – выдохнула я. – Я не знала. Клянусь, я ничего не знала. Мы познакомились позже...

– Я знаю, – Тимур выпрямился, убирая руки. Давление исчезло, но воздух в комнате остался наэлектризованным. – Ты появилась через год. Идеальная ширма. Умная, амбициозная девочка, которая отмыла его репутацию и его деньги. Ты сделала его легальным, Ева. Ты построила ему этот фасад. Поэтому ты тоже виновата. Не в смерти Амины, нет. Но в том, что он до сих пор на свободе и богат.

Его слова били наотмашь. Жестоко, но справедливо. Я действительно создала империю «Вектор». Я прятала налоги, я договаривалась с аудиторами, я закрывала глаза на странные расходы. Я была соучастницей.

– Теперь ты понимаешь, почему я не отпущу тебя? – спросил он, открывая пластиковый контейнер. Внутри был рис с курицей и овощами. Пахло вкусно, но желудок сжался в спазме. – Ты – мой ключ к его сейфу. И ты – мать его ребенка. Это джекпот.

Он взял вилку, наколол кусок курицы и поднес к моему рту. – Ешь.

– Я не хочу.

– Ешь, Ева. Это не просьба. Тебе нужны силы. Ребенку нужны силы. Если ты потеряешь вес, Марк поставит тебе капельницу. Ты хочешь лежать здесь с иглой в вене?

Я открыла рот и проглотила еду. Она казалась безвкусной, как бумага. Тимур кормил меня, как кормят больного зверя или ценного пленника. Методично, без эмоций. Ложка за ложкой.

Когда контейнер опустел наполовину, он отставил его в сторону.

– А теперь слушай внимательно, – он вытащил из кармана новый телефон. Черный брусок без логотипов. – Завтра утром в новостных телеграм-каналах появится информация. «Жена известного бизнесмена Дениса Ковалева, Ева Ковалева, пропала без вести. Ее машина найдена на набережной, вещи и документы обнаружены в салоне. Следов борьбы нет. Основная версия следствия – суицид».

Я похолодела. – Суицид? Но... зачем?

– Потому что Денису так выгодно, – жестко объяснил Тимур. – Нет жены – нет раздела имущества. Нет проблем с оглаской развода. Он сам запустит эту версию. Он скажет, что ты была в депрессии, что не могла забеременеть... Он сделает из тебя сумасшедшую истеричку, которая прыгнула в реку.

– И что мне делать? – прошептала я. – Если меня объявят мертвой... я не смогу...

– Ты не будешь ничего делать, – перебил он. – Ты будешь сидеть здесь. Тихо, как мышь. Пока весь город будет искать твой труп, мы будем готовить удар.

Он встал, возвышаясь надо мной в полумраке.

– С сегодняшней ночи Евы Ковалевой больше не существует. Ты умерла, Ева. На том мосту, под дождем, когда он выгнал тебя. Здесь, в этой комнате, есть только мой актив. Мой инструмент. И мать моего будущего сына.

– Вашего? – я вскинула голову. – Это сын Дениса!

Тимур усмехнулся. Он подошел к двери, положив руку на выключатель.

– Денис отказался от него. Он назвал его «проблемой». А я... я вложил в него сто пятьдесят миллионов. Так что по праву инвестиций – он мой. Привыкай к этой мысли.

Свет погас. Комната погрузилась в темноту. Я слышала только удаляющиеся шаги Тимура и щелчок замка. На этот раз он запер меня по-настоящему. Не на ключ, а на засов страха и безысходности.

Я легла на спину, положив руки на плоский живот. – Ты слышал, малыш? – прошептала я в пустоту. – Мы умерли. Но почему-то именно сейчас, в плену у человека, который хотел украсть мою жизнь, я впервые за этот бесконечный день почувствовала себя в безопасности. Здесь, за бронированной дверью и спиной со шрамами, Денис не мог меня достать.

А завтра... завтра я проснусь призраком. И призраки, как известно, умеют очень больно пугать живых.

### Глава 3. Поминки по живой

Я проснулась от тишины. Не от будильника, который последние десять лет исправно разрывал мое сознание в 6:30 утра. Не от гула кофемашины, которую Денис обычно включал, собираясь в зал. И не от шороха города за окном. Тишина была плотной, ватной, стерильной.

Первые несколько секунд я лежала с закрытыми глазами, балансируя на грани яви, и отчаянно пыталась убедить себя, что всё это – дурной сон. Сейчас я открою глаза, и увижу бежевые шторы нашей спальни в «Москва-Сити». Увижу спину мужа, который выбирает галстук. Почувствую запах его дорогого лосьона после бритья. И вчерашний день – этот бесконечный кошмар с изменой, дождем, угрозами и человеком со шрамом – растворится, как утренний туман.

Я потянулась, чтобы нащупать телефон на привычном месте – на тумбочке слева. Рука коснулась холодного, гладкого дерева. Чужого. И реальность обрушилась на меня бетонной плитой.

Я резко села. Голова тут же отозвалась тупой, тягучей болью в затылке – «привет» от убийной дозы успокоительных, которыми меня накачал доктор Марк. Во рту пересохло, словно я жевала песок.

Комната. Чужая. Серая. Бетонные стены, высокие потолки, минимализм, от которого веяло холодом. Я была здесь. В логове Зверя. В доме Тимура Багирова. На мне было все то же огромное серое худи, пахнущее мужским парфюмом, который за ночь вьелся в мои волосы, став частью меня.

– Доброе утро, покойница, – прошептала я сама себе, опуская босые ноги на паркет.

Пол был теплым. Подогрев. Еще одна деталь, кричащая о деньгах хозяина. Я подошла к окну. Тяжелые шторы блэкаут, которые вчера скрывали ночь, были плотно задернуты. Я нашла пульт на стене, нажала кнопку. Электропривод тихо зажужжал, и плотная ткань поползла в стороны, впуская в комнату серый, пасмурный свет ноябрьского утра.

Вид за окном заставил меня замереть. Это был не открыточный центр, где мы жили с Денисом. Это была промзона, но какая-то странная, облагороженная. Внизу, за высоким кирпичным забором с колючей проволокой, текла черная, свинцовая река. По ней медленно ползла баржа, груженная песком. На том берегу дымили трубы ТЭЦ, растворяясь в низком небе.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Где-то там, в этом огромном городе, сейчас просыпался Денис. Пил свой эспрессо. И, наверное, уже знал, что его жены больше нет. Что он чувствует? Облегчение? Или уже звонит адвокатам, чтобы узнать, как быстро можно оформить свидетельство о смерти и разблокировать счета?

– Не надейся, милый, – прошептала я, и мое дыхание оставило на стекле мутное пятно. – Ты не получишь ни копейки.

Живот отозвался на движение слабой, ноющей болью. Я инстинктивно положила ладонь на низ живота. – Ты как? – спросила я шепотом, обращаясь к той крошечной точке внутри, которую видела вчера на экране УЗИ. – Держись? Держись. Мы с тобой в одной лодке. И капитан у нас... своеобразный.

Дверь спальни была не заперта. Я толкнула ее и вышла в огромную гостиную. Здесь было пусто. Идеальный порядок, ни пылинки. Огромный диван, на котором меня вчера осматривал врач, стоял на своем месте, плед был аккуратно сложен. Но на журнальном столике из черного стекла что-то лежало.

Я подошла ближе. Это был мой новый телефон – черный брусок, который выдал Тимур. Рядом лежал листок бумаги, исписанный размашистым, острым почерком. И таблетница, разделенная на секции: «Утро», «День», «Вечер». В утренней ячейке лежали три капсулы. Утрожестан, магний, фолиевая кислота.

Я взяла записку. Бумага была плотной, дорогой. *«1. Таблетки выпить до 9:00. 2. Завтрак на кухню. Ешь все. 3. В 10:00 смотри новости. 4. Из дома не выходить. Периметр под охраной. Датчики движения включены. Т.»*

Коротко. По-военному. Никаких «доброе утро», никаких смайликов. Приказ.

Я послушно проглотила таблетки, запив их водой из графина, который тоже стоял на столе. Вода была комнатной температуры, с лимоном. Он позаботился даже об этом. Или это Марк оставил инструкции? В любом случае, меня не покидало ощущение, что я нахожусь под колпаком. Каждое мое движение было просчитано, предусмотрено и проконтролировано.

Я пошла на запах кофе. Кухня была отделена от гостиной барной стойкой из натурального камня. Черный мрамор с белыми прожилками. Техника «Gaggenau», встроенная в матовые фасады. Все стерильно, как в операционной. На плите стояла сковорода под крышкой. Рядом – включенная кофемашина, которая держала температуру.

Я подняла крышку. Омлет. С помидорами и зеленью. Еще теплый. Рядом на тарелке – тосты и нарезанный авокадо. Завтрак чемпиона. Или заключенного в VIP-камере.

Я села за стойку, взяла вилку. Кусок в горло не лез, но я помнила слова Марка: «Твой кортизол убивает ребенка». Я должна есть. Ради сына. Я жевала омлет, механически работая челюстями, и смотрела на часы на стене. 9:55.

Сердце начало ускоряться. Новости. Тимур обещал, что сегодня утром Ева Ковалева умрет официально.

Я взяла телефон. На экране не было ни пароля, ни иконок соцсетей. Только браузер, мессенджер «Signal» и приложение новостного агрегатора. Я открыла новости. Лента пестрела заголовками о курсе доллара, пробках и каком-то фестивале. Я пролистала вниз. Ничего.

Может, еще рано? Может, Денис решил подождать?

И тут экран моргнул, обновляя ленту. В топе, с пометкой «Молния», появился заголовок: **«Трагедия в семье известного девелопера: жена владельца холдинга "Вектор" пропала без вести».**

Пальцы задрожали так, что я едва смогла нажать на ссылку. Текст был сухим, канцелярским, явно переписанным из полицейской сводки.

*«Сегодня утром в полицию обратился Денис Ковалев, владелец строительного холдинга "Вектор". По словам бизнесмена, его супруга, 30-летняя Ева Ковалева, накануне вечером ушла из офиса компании в подавленном состоянии и не вернулась домой. Автомобиль пропавшей, бежевый Audi Q5, был обнаружен патрулем ГИБДД на Краснопресненской набережной, в районе моста "Багратион". Двери машины были не заперты, в салоне найдены личные вещи, документы и телефон женщины. Следов борьбы или насилия в автомобиле не обнаружено. По предварительной информации источников в правоохранительных органах, рассматривается версия суицида. Как сообщил супруг пропавшей, в последнее время Ева Ковалева страдала от тяжелой депрессии на фоне семейных проблем и неудачных попыток забеременеть».*

Я выронила телефон. Он со стуком ударился о мраморную столешницу. «Страдала от депрессии». «Неудачных попыток». Какая же он мразь. Он не просто убил меня. Он переписал мою биографию. Он выставил меня истеричкой, слабачкой, которая не справилась с жизнью и прыгнула с моста.

В груди поднялась горячая, удушливая волна. Я задыхалась. Он знал, что я не прыгнула. Он знал, что у меня нет машины – он сам отобрал ключи! Значит, он приказал кому-то... перегнать мою машину на набережную? Бросить ее там? Подстроить все это?

Слезы брызнули из глаз. Злые, горячие слезы бессилия. Я представила, как мама читает это. Как ей звонят подруги. «Валя, ты слышала? Ева...» У мамы больное сердце.

– Ненавижу, – прошипела я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. – Будь ты проклят, Денис.

В этот момент входная дверь лофта – та самая, железная, тяжелая – лязгнула замками. Я вздрогнула, сползая со стула. Кто? Полиция? Денис? Тимур?

Дверь распахнулась. На пороге стоял Хан. Он был не в коже, как вчера. На нем был строгий деловой костюм – темно-синий, явно сшитый на заказ, потому что найти пиджак на такие плечи в магазине невозможно. Белоснежная рубашка без галстука, расстегнутая на верхнюю пуговицу. Он выглядел как бизнесмен. Опасный, хищный, но абсолютно легальный. Только глаза остались теми же – ледяными колодцами, в которых не было ни капли тепла.

Он вошел, бросил на полку ключи от машины и папку с документами. Посмотрел на меня. Я стояла посреди кухни, в его худи, растрепанная, с красными глазами, рядом с недоеденным омлетом.

– Прочитала? – спросил он ровно.

– Да, – мой голос сорвался. – Как он мог... Он же знает, что у меня нет машины! Он сам забрал ключи!

– Значит, у него есть дубликат. Или он взломал систему. Денис подготовился, Ева. Я же говорил. Он не импровизирует.

Тимур прошел на кухню, налил себе кофе. Спокойно, будто мы обсуждали погоду, а не мою смерть.

– Что теперь? – спросила я. – Моя мама... она увидит это. У нее сердце...

– Твоей маме уже вызвали скорую, – он сделал глоток, глядя на меня поверх чашки. – Не бойся, не из-за новостей. Мои люди. Врачи из платной клиники. Они сейчас у нее. Сказали, что профилактический осмотр по страховке, которую ты якобы оплатила заранее. Они вколют ей успокоительное, прежде чем она включит телевизор. Она перенесет это нормально.

Я опешила. Он подумал об этом? О маме? – Спасибо, – выдохнула я. Это было искренне.

– Не благодари. Это часть сделки. Мне не нужно, чтобы твоя мать умерла от инфаркта и создала лишний шум.

Он поставил чашку. – А теперь о главном. Похороны, точнее, поисковая операция, продлится пару дней. Потом дело приостановят. Денис выждет паузу и подаст на признание тебя умершей, чтобы вступить в наследство твоей долей в фирмах.

– У меня нет доли. Он все переписал.

– Это он так думает, – Тимур усмехнулся. Хищно. – По документам, которые ты подписывала пять лет назад, ты владеешь 20% акций «Ориона». Той самой фирмы, на которой висят его основные активы – земля под застройку в Новой Москве. Он забыл про этот пакет. Или думал, что ты дура и не вспомнишь.

Я нахмурилась, вспоминая. Пять лет назад... Да, мы переоформляли структуру холдинга. Я подписывала какие-то бумаги у нотариуса. Денис тогда сказал: «Это технический момент, Ева, просто чтобы банк одобрил кредит».

– Но эти акции... они же ничего не стоят без его подписи?

– Они стоят полмиллиарда, Ева. И пока ты «мертва», Денис не может ими распоряжаться. Они зависнут. Сделка по продаже земли, которую он готовит с китайцами, сорвется. Потому что китайцы не купят актив с «мертвой душой» в акционерах.

Глаза Тимура блеснули торжеством. – Мы заморозим его главный проект. Мы лишим его денег, на которые он рассчитывает, чтобы закрыть дыры в бюджете. И вот тогда, когда он будет бегать по потолку от ярости и искать выход... мы нанесем второй удар.

Он подошел ко мне вплотную. Я почувствовала запах улицы и дорогого табака. – Ты готова работать, Ева? Или будешь дальше рыдать над некрологом?

Я посмотрела на телефон, где все еще светился заголовок о моей «депрессии». Потом на свой живот. Потом в глаза Тимуру.

Страх ушел. Осталась только ледяная, кристальная ясность. Я вытерла слезы рукавом его худи.

– Я готова, – сказала я твердо. – Что мне нужно делать?

– Для начала – вспомни пароль от облачного хранилища, где ты держала бэкапы 1С, – он протянул мне свой планшет. – Мне нужен доступ ко всей его черной бухгалтерии. Прямо сейчас.

Я взяла планшет. Пальцы больше не дрожали. Я умерла. Да здравствует новая Ева. Ева, которая уничтожит «Вектор».

Планшет в моих руках был тяжелым, холодным и непривычно тонким. «iPad Pro» последней модели, без чехла, без защитного стекла. Тимур не любил лишние "обвесы". Я села за барную стойку, пододвинула к себе остывший кофе и сделала глубокий вдох. Нужно было вспомнить.

Пароль от облака. Мы создавали этот бэкап три года назад, когда налоговая начала шерстить строительный рынок. Денис тогда истерил, требовал удалить все с серверов, сжечь жесткие диски. Я настояла на облачном хранилище. «На всякий случай», – сказала я тогда. Случай настал.

Я закрыла глаза, вызывая в памяти тот день. Пароль должен был быть сложным. Не дата рождения, не имя кота. Что-то, что знал только он... и я.

*2805Amina*

Пальцы замерли над виртуальной клавиатурой. Амина. Тогда я не придала этому значения. Денис сказал, что это имя его первой любви. Школьной. «Красивое имя, правда?». Господи. Он использовал имя убитой им девушки как пароль для своей грязной бухгалтерии. Какой же он... больной. Циничный, больной ублюдок.

Я ввела символы. Секунда ожидания. Колесо загрузки. «Доступ разрешен».

Экран заполнился папками. «Орион», «Сигма», «Вега», «Альтаир». Целая плеяда фирм-однодневок, через которые утекали миллиарды. Я почувствовала, как внутри просыпается профессиональный азарт. Страх отступил. Я была в своей стихии. Здесь, среди цифр и таблиц, я была не "покойницей" и не "инкубатором". Я была Финдиректором. Акулой.

– Есть, – выдохнула я, не поднимая головы.

Тимур, который все это время стоял у окна и листал что-то в своем телефоне, мгновенно оказался рядом. Он не подошел – он переместился. Бесшумно, как тень. Он встал за моей спиной, упершись руками в столешницу по бокам от меня. Я оказалась в капкане его рук. От него пахло дорогим кофе и той самой опасностью, которая теперь стала моим единственным убежищем.

– Показывай, – его дыхание коснулось моей шеи, и по коже побежали мурашки. Я списала это на сквозняк.

– Вот папка «Орион», – я ткнула пальцем в экран. – Учредительные документы. Реестр акционеров. Видите?

Я открыла файл. \*«Уставный капитал: 100 000 руб. Учредители:

Ковалев Д.В. – 80%. Волкова Е.А. – 20%».\*

Волкова. Моя девичья фамилия. – Он не переоформил, – прошептала я. – Он просто забыл. Для него эти 20% были мусором.

– Для него – да. А для китайцев – нет, – голос Тимура звучал низко, с нотками удовлетворения. – Они требуют стопроцентной чистоты сделки. Любое обременение, любой "спящий" акционер – это стоп-фактор.

Он наклонился ниже, глядя в экран. Его щека почти касалась моего виска. Я замерла, боясь пошевелиться. В этом не было ничего романтического – мы просто смотрели документы. Но близость этого огромного, чужого мужчины была... подавляющей. И странно волнующей. Я чувствовала жар, исходящий от его тела сквозь тонкую ткань его рубашки и моего худи.

– А теперь открой баланс, – скомандовал он. – Я хочу видеть активы.

Я открыла таблицу. Земля. Гектары земли в Новой Москве. Кадастровая стоимость – копейки. Рыночная – миллиарды. – Вот. Участок 77:01...

– Отлично, – Тимур выпрямился, и я невольно выдохнула. Давление исчезло. – Скинь эти файлы мне на почту. И реестр, и баланс. Мои юристы уже готовят иск о наложении обеспечительных мер. Мы подадим его от твоего имени.

– Но я же мертва, – напомнила я. – Как мертвец может подать иск?

– А это будет сюрприз, – он усмехнулся. – Иск будет подан по доверенности, которую ты подпишешь задним числом. Якобы ты выдала ее месяц назад моему адвокату. Денис получит уведомление из суда как раз в день похорон. Представь его лицо.

Я представила. Денис стоит у гроба (пустого?), принимает соболезнования, играет роль безутешного вдовца. И тут к нему подходит курьер с повесткой. «Ваша жена жива? Или ее призрак требует свою долю?»

– Это жестоко, – сказала я.

– Это справедливость, Ева. Ты готова это сделать?

– Да.

В этот момент зазвонил его телефон. Тимур глянул на экран, нахмурился и отошел к окну. – Да, Марк. Что?

Я напряглась. Марк был у моей мамы. Тимур слушал, и его спина напрягалась все сильнее. Он молчал долго, секунд тридцать. Потом коротко бросил: – Я понял. Делай, что нужно. Я оплачу.

Он обернулся ко мне. Лицо его было непроницаемым, как маска, но в глазах мелькнуло что-то... похожее на сочувствие? Нет, Хану это чувство незнакомо. Скорее, расчет.

– Что с мамой? – я вскочила со стула, роняя планшет на стол. – Тимур, не молчи!

– Сядь, – приказал он.

– Не сяду! Что с ней?!

Он подошел ко мне, взял за плечи. Его хватка была железной, но не болезненной. Он фиксировал меня, не давая истерике вырваться наружу.

– У нее был приступ. Стенокардия. Новости по телевизору опередили моих людей на пять минут. Соседка позвонила.

У меня подогнулись колени. Если бы он не держал меня, я бы упала. – Она... жива?

– Жива. Марк успел. Они стабилизировали ее, сейчас везут в кардиоцентр. В частную палату. Я договорился с главврачом. Ей обеспечат лучший уход.

– Я должна поехать к ней! – я дернулась, пытаюсь вырваться. – Пусти меня! Я должна...

– Куда ты поедешь? – он встряхнул меня. – В морг? Ты мертва, Ева! Если ты появишься в больнице, Денис узнает об этом через пять минут. И тогда он добьет твою мать, чтобы добраться до тебя. Ты этого хочешь?

Его слова были как пощечины. Отрезвляющие. Я обмякла в его руках. Слезы снова потекли по щекам, горячие, соленые. – Я не могу ее бросить... Она там одна... Она думает, что я умерла...

– Она не одна. Там мои люди. И Марк. Он не отойдет от нее ни на шаг. А ты... ты запишешь ей видео.

– Что?

– Видео. Мы передадим ей телефон в палату. Она увидит, что ты жива. Что ты в безопасности. Но она должна молчать. Ты сможешь убедить ее молчать?

Я кивнула, глотая слезы. – Да. Мама... она все поймет. Она ненавидит Дениса. Она всегда говорила, что у него глаза пустые.

– Хорошо, – Тимур отпустил меня, но остался стоять рядом, словно стена, о которую можно опереться. – Запишешь сейчас. Пока эмоции живые. Пусть видит, что ты не в плену, что ты здорова. Только фон выберем нейтральный.

Он подвел меня к белой стене в коридоре. – Здесь. Свет падает хорошо. Говори быстро, по сути. "Мама, я жива, я спряталась от Дениса, он хочет меня убить, не верь новостям, я скоро свяжусь". Поняла?

Я вытерла лицо рукавом худи. Пригладила волосы. Тимур протянул мне свой телефон, включив фронтальную камеру.

– Мотор, – сказал он тихо.

Я смотрела в черный глазок камеры. Руки дрожали, изображение прыгало. – Mamочka... – голос сорвался. – Mam, это я. Eва. Пожалуйста, не плачь. Я жива. Слышишь? Я жива и здорова. То, что говорят в новостях – это ложь. Денис... он все подстроил. Он выгнал меня, он забрал все... Мне пришлось исчезнуть. Я в безопасности. Меня защищают. Пожалуйста, лечись. Береги сердце. Я скоро заберу тебя. Я люблю тебя. И... у тебя будет внук. Или внучка. Я беременна, мам.

Я нажала "стоп". Тимур забрал телефон. Он посмотрел видео, не меняясь в лице. – Пойдет. Про внука – это был запрещенный прием. Теперь она точно выживет, чтобы его увидеть. Старая гвардия живучая.

– Спасибо, – прошептала я. – За то, что... не дали ей умереть.

– Это прагматизм, – отрезал он, убирая телефон в карман. – Твоя мать – свидетель. Если Денис начнет давить, ее показания нам пригодятся.

Он врал. Я видела это. Прагматизм не заставляет нанимать частную скорую и платить главврачу кардиоцентра. Он сделал это... по-человечески. Может, доктор Марк был не прав? Может, там, за ледяной броней и шрамами, все-таки осталось что-то живое?

– Иди умойся, – сказал он, отворачиваясь. – Ты похожа на панду. А нам еще работать.

– Тимур, – я окликнула его, когда он уже шел к столу с планшетом.

– Что?

– Почему вы выбрали меня? Не говорите про акции. Вы могли найти их сами. Хакеры, взлом... Зачем вам я? Беременная, проблемная, с больной матерью?

Он остановился. Повернулся ко мне всем корпусом. Его взгляд скользнул по моему лицу, по губам, по фигуре, скрытой под мешковатой одеждой, и остановился на глазах.

– Потому что хакеры могут взломать сервер, Eва. Но они не могут взломать душу Дениса. А ты знаешь, где у него болит. Ты знаешь его страхи. Ты десять лет спала с врагом. Ты – идеальный яд.

Он помолчал и добавил тише: – И еще. Ты не сдалась. Вчера, в аптеке. Ты была на дне, но ты не легла умирать. Ты искала выход. Мне нравятся бойцы. Даже если они выглядят как мокрые котята.

Он отвернулся и уткнулся в планшет. – У тебя пять минут на сборы. Потом мы открываем "черную кассу". Я хочу знать, куда ушли деньги за ЖК "Северное Сияние". Там был мой бетон.

Я пошла в ванную. В зеркале на меня смотрела женщина с красными глазами, в чужой одежде, без дома и имени. Но в ее глазах больше не было паники. Там появился холодный блеск. Отражение Тимура Багирова. Я становлюсь похожей на него. И это пугало меня больше всего.

Ванная комната в лофте Тимура напоминала отсек космического корабля. Слишком много хрома, черного камня и зеркал, которые отражали тебя со всех сторон, не давая скрыться от самой себя. Я умылась ледяной водой, пытаюсь смыть остатки сна и страха. Красные глаза понемногу приходили в норму, но кожа оставалась бледной, как бумага.

Я натянула худи обратно. Теперь, когда я знала правду про Амину, эта одежда больше не казалась просто "чужой". Она была броней. Щитом, который дал мне человек, потерявший сестру по вине моего мужа. Это создавало странное, почти извращенное чувство родства. Мы оба были жертвами Дениса. Только Тимур уже отрастил зубы, а я только училась кусаться.

Когда я вышла в гостиную, Тимур уже сидел за длинным дубовым столом, который служил ему рабочим местом. Перед ним стоял раскрытый ноутбук, рядом лежали распечатки, которые он, видимо, успел сделать с моего планшета.

Он не поднял головы, когда я вошла. Его пальцы летали по клавиатуре с пугающей скоростью. Он работал.

– Садись, – бросил он, кивнув на стул напротив. – Я прогнал баланс «Ориона». Там дыра.

Я села, чувствуя, как внутри просыпается профессионал. Цифры были моим языком. Я понимала их лучше, чем людей.

– Какая дыра? – спросила я, заглядывая в его монитор. – На момент моего ухода активы перекрывали обязательства. Земля в Новой Москве стоила триста миллионов по кадастру, рыночная – полтора миллиарда.

– Земля на месте, – Тимур развернул ко мне ноутбук. – А вот деньги, которые Денис взял под залог этой земли в «АгробизнесБанке»... их нет.

Я пробежала глазами по строчкам. Кредит на 150 миллионов, выданный полгода назад. Целевое назначение: «Строительство инфраструктуры». Расходные ордера... Фирма-поставщик: ООО «СтройГрупп». Сумма: 148 миллионов. Основание: «Аванс за поставку щебня».

– Щебня? – я усмехнулась. – На сто пятьдесят миллионов? Он что, собирался засыпать этим щебнем всю Москву?

– «СтройГрупп» – это помойка, – констатировал Тимур. – Зарегистрирована на бомжа в Твери. Ликвидирована месяц назад. Деньги ушли в офшор, а потом растворились.

– Классика, – кивнула я. – Денис всегда так делал. Выводил кэш, чтобы закрыть личные долги или купить новую игрушку. Но при чем тут я? Кредитный договор подписывал он.

– Посмотри на поручителя.

Тимур открыл скан документа. «Договор поручительства №... Поручитель: Генеральный директор ООО "Орион" Волкова Е.А.» И подпись. Моя подпись. С характерным завитком на букве «В».

У меня похолодело внутри. – Я этого не подписывала, – сказала я тихо. – Я помню все договоры. На такую сумму... я бы никогда не подписала. Это подделка.

– Хорошая подделка, – согласился Тимур. – Экспертиза подтвердит подлинность с вероятностью 90%. Он использовал факсимиле или нанял профи, который копирует почерк.

Он откинулся на спинку кресла, сцепив руки в замок. Взгляд его тяжелых серых глаз буравил меня насквозь.

– Денис не просто повесил на тебя долги, Ева. Он подстраховался. Если банк начнет копать, виновата будешь ты. Ты гендиректор, ты поручитель, ты вывела деньги на фирму-однодневку. Это статья 159, часть 4. Мошенничество в особо крупном размере. До десяти лет.

Я закрыла лицо руками. – Господи... Он все продумал. Он знал, что рано или поздно пирамида рухнет, и заранее подготовил козла отпущения. Свою жену.

– Именно, – голос Тимура звучал жестко, без жалости. – Поэтому ты должна была «умереть». Мертвых не сажают.

– Но если я подам иск о признании акций... я же «воскресну»! – меня осенило. – И тогда банк придет ко мне. И полиция придет ко мне. Я сама засуну голову в петлю!

Тимур молчал. Он смотрел на меня, и в его взгляде я видела работу мысли. Он просчитывал варианты, как гроссмейстер.

– Не придет, – наконец сказал он. – Потому что мы ударим первыми. Мы не просто заявим права на акции. Мы инициируем банкротство «Ориона».

– Банкротство? – я уставилась на него. – Но тогда земля уйдет с молотка!

– Да. И купит ее... моя структура. По цене ниже рыночной. А долг перед банком будет погашен за счет продажи активов. Ты останешься чиста. Денис потеряет землю. А я получу проект, который давно хотел.

Я смотрела на него и понимала: передо мной сидит акула, которая страшнее Дениса в сто раз. Денис был вором и мошенником. Тимур был стратегом. Он использовал меня не просто как инструмент мести, но и как способ заработать миллиард.

– Вы все это спланировали? – спросила я. – С самого начала? Когда вытаскивали меня из аптеки?

– Нет, – он покачал головой. – В аптеке я спасал мать своего будущего крестника. Остальное – импровизация. Я умею видеть возможности, Ева.

Он встал, подошел к сейфу, достал оттуда папку с документами. – Вот доверенность. Мой нотариус уже заверил ее задним числом. Подписывай.

Я взяла ручку. Рука дрогнула. Если я подпишу это, я запускаю войну. Настоящую войну, в которой не будет пленных. Денис поймет, что я жива. И он начнет охоту.

– Ты боишься? – спросил Тимур, заметив мою заминку.

– Да.

– Это нормально. Только идиоты не боятся. Но запомни, Ева: пока ты здесь, в этой комнате, за этой дверью – тебя никто не тронет. Я обещаю.

Я посмотрела на него. На шрам, рассекающий бровь. На широкие плечи. На пистолет, который лежал на краю стола, рядом с ноутбуком. Я вспомнила маму, лежащую в палате. Вспомнила Леночку на моем столе. И подписала.

– Отлично, – Тимур забрал лист, даже не проверив подпись. – Процесс запущен. Завтра утром иск будет в суде. А теперь...

Он не успел договорить. Входная дверь лофта загудела. Видеодомофон ожил, показывая картинку с камеры у ворот. Черный тонированный микроавтобус без номеров стоял прямо перед шлагбаумом. Из машины вышли трое. В черных тактических костюмах, в масках-балаклавах. У одного в руках был таран.

Тимур изменился в лице мгновенно. Из спокойного бизнесмена он превратился в зверя, почувшего опасность. – В спальню! – рявкнул он, хватая пистолет со стола. – Быстро! Запрись и не выходи!

– Кто это? – я вжалась в стену. – Денис?

– Хуже, – он передернул затвор, проверяя патрон в патроннике. – Это "чистильщики". Кто-то слил инфу, что я привез тебя сюда.

– Марк? – выдохнула я.

– Нет. Марк не самоубийца, – Тимур метнулся к панели управления "умным домом", нажимая какие-то кнопки. На окнах с тихим жужжанием начали опускаться стальные рольставни. Лофт превращался в бункер. – Беги, Ева!

Удар. Глухой, мощный удар сотряс стены. Они начали ломать внешнюю дверь.

Я бросилась в спальню, спотыкаясь о собственные ноги. Влетела внутрь, захлопнула дверь, дрожащими пальцами повернула защелку. Это смешно. Эта деревянная дверь не остановит тех, кто пришел с тараном.

Я сползла на пол, забившись в угол между кроватью и стеной. Обхватила колени руками. «Мама, я жива...» – эхом прозвучал мой голос в голове. Кажется, я поторопилась с этим заявлением.

Снаружи раздался грохот. Звон разбитого стекла. Крики. И первый выстрел. Сухой, хлесткий звук, от которого заложило уши. Потом второй. Третий. Очередь.

Я зажала уши руками, зажмурилась, и начала молиться. Не Богу. А тому человеку со шрамом, который сейчас, один против троих, стоял между мной и смертью.

– Хан, – шептала я. – Пожалуйста, убей их. Пожалуйста, не умирай.

В коридоре послышались тяжелые шаги. Кто-то бежал. Звук борьбы. Глухой удар тела об пол. И тишина.

Я перестала дышать. Кто победил? Чьи это шаги приближаются к моей двери?

Ручка дернулась. – Ева, – голос Тимура был хриплым, сбивчивым. – Открой.

Я вскочила, распахнула дверь. Он стоял в коридоре, опираясь плечом о косяк. Пиджак был расстегнут, белая рубашка залита красным. Кровь текла по рукаву, капала на паркет. В руке он все еще сжимал пистолет, ствол которого дымился.

– Ты ранен! – я бросилась к нему, забыв про страх.

– Царапина, – он поморщился, пытаясь улыбнуться, но вышла гримаса боли. – Касательное в плечо. Жить буду.

Он шагнул в комнату и сполз по стене, оставляя на обоях кровавый след. – Они ушли? – спросила я, падая перед ним на колени.

– Они остались, – он кивнул в сторону гостиной. – Навсегда. Но приедут другие. Нам надо уходить. Прямо сейчас.

Он посмотрел на меня мутным взглядом. – Я же обещал. Тебя никто не тронет.

Его глаза закрылись. Голова упала на грудь. Пистолет с глухим стуком выпал из его разжавшейся руки.

Я осталась одна. В разгромленном лофте. С тремя трупами в гостиной и истекающим кровью мужчиной на моих руках. И с подписанной доверенностью, которая только что превратила мою жизнь в боевик.

## Глава 4. Кровь на белом

Тишина была страшнее выстрелов. После грохота, от которого звенело в ушах, тишина казалась вакуумом, высасывающим воздух из легких. В этом вакууме был только один звук – хриплое, булькающее дыхание Тимура. И один запах – тошнотворно-сладкая смесь пороха, жженого пластика и свежей крови.

Я смотрела на свои руки. Они были красными. Горячая, густая жидкость пульсирующими толчками выплескивалась из плеча Тимура, пропитывая белоснежную ткань его рубашки, стекая по моему серому худи, капая на паркет. Это была не киношная бутафория. Это была жизнь, которая уходила из него с каждой секундой.

– Тимур! – я встряхнула его за здоровое плечо. Голова его мотнулась, тяжелая, как камень. Глаза были закрыты, ресницы отбрасывали тени на посеревшее лицо. – Не смей! Слышишь? Не смей отключаться!

Он не ответил. Только стиснул зубы так, что на скулах заходили желваки, и издал низкий стон.

Паника, холодная и липкая, попыталась захватить контроль. *«Он умирает. Ты останешься одна. С тремя трупами. В запертом бункере»*. Я зажмурилась, делая вдох. В нос ударил запах железа. Нет. Я не дам ему умереть. Не сейчас. Не после того, как он встал под пули ради меня.

Мозг включился, отсекая эмоции. Остались только факты. Рана в плече. Кровотечение сильное. Нужно остановить кровь. Нужен врач. Марк.

Я прижала ладонь прямо к дыре в его плече, навалившись всем весом. Ткань рубашки под пальцами была скользкой и горячей. Тимур дернулся, его веки дрогнули, но он не пришел в себя. – Терпи, – прошипела я, чувствуя, как кровь просачивается сквозь мои пальцы. – Терпи, Зверь. Ты же сильный.

Телефон. Мне нужен телефон. Мой лежал на кухне, рядом с недоеденным омлетом. Слишком далеко. Его телефон. Он убирал его в карман пиджака.

Одной рукой продолжая давить на рану, я второй начала шарить по его одежде. Пиджак был расстегнут, тяжелая ткань мешала. Пальцы скользили по коже, натываясь на твердые мышцы живота под окровавленной рубашкой. В другой ситуации это касание вызвало бы у меня дрожь. Сейчас я чувствовала только животный страх.

Вот он. Внутренний карман. Я вытащила черный смартфон. Экран загорелся, требуя Face ID или код-пароль. Я поднесла телефон к лицу Тимура. *«Разблокировка не удалась. Глаза пользователя закрыты»*.

– Черт! – я выругалась словом, которого не было в моем лексиконе. – Открой глаза, Тимур! Открой чертовы глаза!

Бесполезно. Он был в глубокой отключке. Пароль? Я не знала пароль. Палец. Touch ID. У этой модели сканер был встроен в кнопку блокировки или под экран? Нет, это андроид, кастомная сборка. Сканер сзади или сбоку.

Я схватила его правую руку – тяжелую, безвольную, с сбитыми в кровь костяшками. Кровь на моих пальцах делала все скользким. Я вытерла его большой палец о свою штанину, оставляя багровый след на серой ткани. Приложила к сканеру.

Вибрация. Экран мигнул и открыл рабочий стол. *«Доступ разрешен»*.

Я чуть не разрыдалась от облегчения. Трясущимися пальцами нажала на иконку «Контакты». В поиске вбила «М». «Марк Док».

Вызов. Гудок. Второй. Третий. *«Возьми трубку, черт бы тебя побрал!»*

– Да, Хан? – голос Марка звучал сонно и раздраженно. – Я только отъехал от клиники, что еще...

– Это Ева! – закричала я в трубку. – Марк, это Ева! Он ранен!

Тишина на том конце провода взорвалась звуком удара по тормозам и визгом шин. Сонливость врача испарилась мгновенно. – Куда? – голос стал жестким, собранным. – Характер ранения? Он в сознании?

– Плечо! Левое плечо! Крови много, она пульсирует! Он отключился! – я захлебывалась словами. – Тут были люди... в масках... Он убил их, но...

– Заткнись и слушай! – рявкнул Марк. – Пульсирует – значит, артерия или крупная вена. Зажми рану! Прямо пальцами, кулаком, чем угодно! Дави со всей дури!

– Я давлю!

– Хорошо. Я разворачиваюсь. Буду через двенадцать минут. Пробки, мать их. Ева, слушай меня. Если он потеряет много крови, у него остановится сердце. Ты должна держать давление. Не отпускай ни на секунду.

– Я поняла.

– Дверь! – крикнул он. – Входная дверь в лофт заблокирована?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.